Серія неизданныхъ въ Россіи сочиненій

Графа Льва Николаевича

ТОЛСТОГО.

№ 1.

ИСПОВѢДЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „Всемірный Вѣстникъ".
1906.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА
„Всемірный Вѣстникъ“.

Гр. Л. Н. Толстой.

ИСПОВѢДЬ.

Вступленіе къ сочиненію

„ВЪ ЧЕМЪ МОЯ ВѢРА?“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.
1906.

Исповѣдь
Графа Л. Н. ТОЛСТОГО
вступленіе къ сочиненію
„ВЪ ЧЕМЪ МОЯ ВѢРА“.

I.

Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей и съ дѣтства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лѣтъ вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили.

Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда и не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, что исповѣдывали передо мной большіе; но довѣріе это было очень шатко.

Помню, что когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володинька М., учившійся въ гимназіи, придя къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю новинку объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназіи. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 г.). Помню, какъ старшіе братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ, съ свойственною его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы всѣ, и даже старшіе, не переставая поднимали его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ

отказавшагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ, что учить катихизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно всего этого принимать не слѣдуетъ. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія. Оно, какъ мнѣ кажется, происходитъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣрованіемъ, но большею частью противоположныхъ имъ; вѣроученіе не участвуетъ въ жизни, и въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться и въ собственной жизни самому никогда не приходится справляться съ нимъ; вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея. Если сталкиваешься съ нимъ, то какъ съ внѣшнимъ, не связаннымъ съ жизнью, явленіемъ.

По жизни человѣка, по дѣламъ его, какъ теперь, такъ и тогда, никакъ нельзя узнать, вѣрующій онъ или нѣтъ. Если есть различіе между явно исповѣдующимъ православіе и отрицающимъ его, то не въ пользу перваго. Какъ теперь, такъ и тогда явное признаніе и исповѣданіе православія большею частью встрѣчалось въ людяхъ тупыхъ, жестокихъ, безнравственныхъ и считающихъ себя очень важными. Умъ же, честность, прямота, добродушіе и нравственность большею частью встрѣчались въ людяхъ, признающихъ себя невѣрующими.

Въ школахъ учатъ катихизису и посылаютъ учениковъ въ церковь; отъ чиновниковъ требуютъ свидѣтельствъ въ бытіи у причастія. Но человѣкъ нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службѣ, и теперь, а въ старину еще больше, можетъ прожить десятки лѣтъ, не вспомнивъ ни разу о томъ, что онъ живетъ среди христіанъ и самъ считается исповѣдующимъ христіанскую православную вѣру.

Такъ что, какъ теперь, такъ и прежде, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знаній и опытовъ жизни, противоположныхъ вѣроученію, и человѣкъ очень часто долго живетъ,

воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое сообщено было ему съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣда.

Мнѣ разсказывалъ С., умный и правдивый человѣкъ, какъ онъ пересталъ вѣрить. Лѣтъ 26-ти уже, онъ разъ на ночлегѣ во время охоты, по старой, съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ на охотѣ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончилъ и сталъ ложиться, братъ его сказалъ ему: „А ты еще все дѣлаешь это?"

И больше ничего не сказали другъ другу. И С. пересталъ съ этого дня становиться на молитву и ходить въ церковь. И вотъ тридцать лѣтъ не молится, не причащается и не ходитъ въ церковь. И не потому, чтобы онъ зналъ убѣжденія своего брата и присоединился бы къ нимъ, не потому, чтобы онъ рѣшилъ что-нибудь въ своей душѣ, а только потому, что слово это, сказанное братомъ, было какъ толчекъ пальцемъ въ стѣну, которая готова была упасть отъ собственной тяжести; слово это было указаніемъ на то, что тамъ, гдѣ онъ думалъ, что есть вѣра, давно уже пустое мѣсто, и что потому слова, которыя онъ говоритъ, и кресты, и поклоны, которые онъ кладетъ во время стоянія на молитвѣ, суть вполнѣ безсмысленныя дѣйствія. Сознавъ ихъ безсмысленность, онъ не могъ продолжать ихъ.

Такъ было и бываетъ, я думаю, съ огромнымъ большинствомъ людей. Я говорю о людяхъ нашего образованія, говорю о людяхъ, правдивыхъ съ самими собою, а не о тѣхъ, которые самый предметъ вѣры дѣлаютъ средствомъ для достиженія какихъ бы то ни было временныхъ цѣлей. (Эти люди—самые коренные невѣрующіе, потому что если вѣра для нихъ—средство для достиженія какихъ-нибудь житейскихъ цѣлей, то это уже навѣрно не вѣра). Эти люди нашего образованія находятся въ томъ положеніи, что свѣтъ знанія и жизни растопилъ искусственное зданіе, и они или уже замѣтили это и освободили мѣсто, или еще не замѣтили этого.

Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ тою только разницей, что такъ какъ я съ 15-ти лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16-ти лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь

и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ бы не могъ сказать. Вѣрилъ я въ Бога, или, вѣрнѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я не могъ бы сказать; не отрицалъ я и Христа и его ученіе, но въ чемъ было его ученіе, я тоже не могъ бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вѣра моя— то, что кромѣ животныхъ инстинктовъ двигало моею жизнью— единственная истинная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенствованіе. Но въ чемъ было совершенствованіе и какая была цѣль его, я бы не могъ сказать. Я старался совершенствовать себя умственно,—я учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю,—составлять себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями, изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями пріучая себя къ выносливости и терпѣнію. И все это я считалъ совершенствованіемъ. Началомъ всего было, разумѣется, нравственное совершенствованіе, но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т. е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т. е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ.

II.

Когда-нибудь я разскажу исторію моей жизни, и трогательную, и поучительную въ эти десять лѣтъ моей молодости. Думаю, что многіе и многіе испытали то же. Я всею душой желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевныя мои желанія, то, что я хочу быть нравственно-хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки; а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли.

Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, гордостъ, гнѣвъ, месть—все это уважалось.

Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожъ на большого и я чувствовалъ, что мною довольны. Добрая

тетушка моя, чистѣйшее существо, съ которой я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиной: „rien ne forme un homme, comme une liaison avec une femme comme il faut“; еще другого счастья она желала мнѣ—чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя; и самаго большаго счастья—того, чтобъ я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобъ у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ.

Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ; казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ.

Такъ я жилъ десять лѣтъ.

Въ это время я сталъ писать—изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хорошее и высказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили.

Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала.

Взглядъ на жизнь этихъ людей, моихъ товарищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники, поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи

этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ, училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо.

Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы—самые хорошіе, и полезные учители—мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того было много между нами людей и не заботящихся о томъ, кто правъ, кто не правъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности нашей вѣры.

Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни,—но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые, или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта обманъ.

Но странно то, что хотя всю эту ложь я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми—отъ чина художника, поэта, учителя—я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я—поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ.

Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣ-

ренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему.

Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей (такихъ, впрочемъ, и теперь тысячи), мнѣ и жалко, и срамно,—возникаетъ именно то самое чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ.

Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать—какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицая, ругая одинъ другого, всѣ печатали, писали, поучая другихъ. И не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно,—мы не знаемъ что отвѣтить,—мы всѣ, не слушая другъ друга, всѣ въ разъ говорили, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга, съ тѣмъ, чтобы и мнѣ потакали, и меня похвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга, точно такъ, какъвъ сумасшедшемъ домѣ.

Тысячи работниковъ дни и ночи, изъ послѣднихъ силъ, работали, набирали, печатали милліоны словъ и почта развозила ихъ по всей Россіи, а мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.

Ужасно странно, но теперь мнѣ понятно. Настоящимъ задушевнымъ разсужденіемъ нашимъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь безполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы—очень важные люди, намъ надо было еще разсужденіе, которое бы оправдывало нашу дѣятельность. И вотъ у насъ было придумано слѣдующее: все, что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, развивается. Развивается же все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ и платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы—самые полезные и хорошіе люди. Разсужденіе это было бы очень хорошо, если бы мы всѣ были согласны; но такъ какъ на каждую мысль, высказываемую однимъ, являлась всегда мысль діаметрально противоположная, высказываемая другимъ, то должно бы было заставить насъ одуматься. Но мы этого не замѣчали; намъ

платили деньги и люди нашей партіи насъ хвалили, стало быть мы, каждый изъ насъ, считали себя правыми.

Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домомъ никакой не было; тогда же я только смутно подозрѣвалъ это, и то только какъ и всѣ сумасшедшіе,—называлъ всѣхъ сумасшедшими кромѣ себя.

III.

Такъ я жилъ, предаваясь этому безумію еще шесть лѣтъ, до моей женитьбы. Въ это время я поѣхалъ за границу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердили меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, въ которой я жилъ, потому что ту же самую вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ „прогрессъ". Тогда мнѣ казалось, что этимъ словомъ выражается что-то. Я не понималъ еще того, что, мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно съ прогрессомъ,—отвѣчаю совершенно то же, что отвѣтитъ человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ и вѣтру, на главный и единственный для него вопросъ: „куда держаться",—если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ: „насъ несетъ куда-то".

Тогда я не замѣчалъ этого. Только изрѣдка—не разумъ, а чувство возмущалось противъ этого общаго въ наше время суевѣрія, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. Такъ, въ бытность мою въ Парижѣ, видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидѣлъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ. Другой случай сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый,

серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія. Но это были только рѣдкіе случаи сомнѣнія, въ сущности же я продожалъ жить, исповѣдуя только вѣру въ прогрессъ. „Все развивается и я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно будетъ". Такъ бы я тогда долженъ былъ формулировать свою вѣру.

Вернувшись изъ-за границы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая мнѣ уже рѣзала глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности же я вертѣлся все около одной и той же неразрѣшимой задачи, состоящей въ томъ, чтобъ учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понялъ, что нельзя учить, не зная чему учить, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному и спорами между собой скрываютъ только сами отъ себя свое незнаніе; здѣсь же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы предоставить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, я другой разъ поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ.

И мнѣ казалось, что я этому выучился за границей, и вооруженный всей этой премудростью я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ въ школахъ и образованныхъ людей въ журналѣ, который началъ издавать.

дѣло казалось шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я бы тогда же, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, къ которому и пришелъ въ пятнадцать лѣтъ, еслибъ у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасенье: это была семейная жизнь.

Въ продолженіе года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ, и такъ измучился отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась дѣятельность моя въ школахъ, такъ противно мнѣ стало мое виляніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ же — въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ, и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше.

Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ.

Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ, я все таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей.

Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше. Такъ я жилъ, но пять лѣтъ тому назадъ со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить по прежнему. Потомъ эти минуты не-

доумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинакими вопросами: зачѣмъ? Ну, а потомъ?

Сначала мнѣ показалось, что это такъ—безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось, что это все извѣстно и что, если я когда и захочу заняться ихъ рѣшеніемъ, это не будетъ стоить мнѣ труда,—что теперь только мнѣ некогда этимъ заниматься, а когда вздумаю, тогда и найду отвѣты. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовались отвѣты, и какъ точки, падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы безъ отвѣтовъ, въ одно черное пятно.

Случилось то, что случается съ каждымъ заболѣвающимъ внутреннею болѣзнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе ростетъ и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принималъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, что это—смерть.

То же случилось и со мной. Я понялъ, что это—не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются всѣ тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я пытался отвѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, дѣтскими вопросами. Но только что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что это не дѣтскіе и глупые вопросы въ жизни, и, во-вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думалъ, разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи—300 головъ лошадей, а потомъ?“... И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло“? Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе

Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну, и чтожъ"!... И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ: надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтить, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ.

Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить.

IV.

Жизнь моя остановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не ѣсть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. Если я желалъ чего, я впередъ зналъ, что удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе, изъ этого ничего не выйдетъ. Если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній прежнихъ, въ пьяныя минуты, то я въ трезвыя минуты знаю, что это—обманъ, что нечего желать. Даже узнать истину я не могъ желать, потому что я догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была то, что жизнь есть безсмыслица. Я будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти, я ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти—полнаго уничтоженія.

Со мной сдѣлалось то, что я—здоровый, счастливый человѣкъ—почувствовалъ, что я не могу болѣе жить,—какая-то непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ жизни. Нельзя сказать, чтобъ я хотѣлъ убить себя.

Сила, которая влекла меня прочь отъ жизни, была сильнѣе, полнѣе, общѣе хотѣнья. Это была сила, подобная прежнему стремленію жизни, только въ обратномъ отношеніи. Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ пришла мнѣ такъ же естественно, какъ прежде приходили мысли объ улучшеніи жизни. Мысль эта была такъ соблазнительна, что я долженъ былъ употреблять противъ себя хитрости, чтобы не привести ея слишкомъ поспѣшно въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что

хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться, если не распутаюсь, то всегда успѣю. И вотъ тогда я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни. Я самъ не зналъ, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь отъ нея, между тѣмъ, чего-то еще надѣялся отъ нея.

И это сдѣлалось со мной въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было то, что считается совершеннымъ счастьемъ: это было тогда, когда мнѣ не было пятидесяти лѣтъ. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошія дѣти и большое имѣніе, которое безъ труда съ моей стороны росло и увеличивалось. Я былъ уважаемъ близкими и знакомыми, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, былъ восхваляемъ чужими и могъ считать, что имя мое славно безъ особеннаго самообольщенія. При этомъ я не только не былъ помѣшанъ или духовно нездоровъ,—напротивъ, пользовался силой и духовной, и тѣлесной, какой я рѣдко встрѣчалъ въ своихъ сверстникахъ: тѣлесно я могъ работать на покосахъ не отставая отъ мужиковъ; умственно я могъ работать по восьми—десяти часовъ подрядъ, не испытывая отъ такого напряженія никакихъ послѣдствій. И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни.

Душевное состояніе это выражалось для меня такъ: жизнь моя есть какая-то, кѣмъ-то сыгранная надо мною, глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавалъ никакого „кого-то", который бы меня сотворилъ, эта форма представленія, что кто-то надо мной подшутилъ зло и глупо, произведя меня на свѣтъ, была самая естественная мнѣ форма представленія.

Невольно мнѣ представилось, что тамъ, гдѣ-то, есть кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я цѣлыя 30—40 лѣтъ жилъ, жилъ учась, развиваясь, возрастая тѣломъ и духомъ, и какъ я теперь, совсѣмъ окрѣпнувъ умомъ, дойдя до той вершины жизни, съ которой открывается вся она, какъ я дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, и не было, и не будетъ. А ему смѣшно.

Но есть или нѣтъ этотъ кто нибудь, который смѣется

надо мной, мнѣ отъ этого не легче. Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку во всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ могъ я не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Не нынче—завтра придутъ болѣзни, смерть (и приходили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся — раньше, позднѣе, да меня-то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить — вотъ что удивительно! можно жить только покуда пьянъ жизнью; а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это — только обманъ, и глупый обманъ! Вотъ именно, что ничего даже нѣтъ смѣшного и остроумнаго, а просто — жестоко и глупо.

Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И, несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня; но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мышь день и ночь подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и медъ уже не сладокъ мнѣ. Я вижу одно — неизбѣжнаго дракона и мышей — и не могу отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.

Прежній обманъ радостной жизни, заглушавшій ужасъ дракона, уже не обманываетъ меня. Сколько ни говори мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи, — я не могу дѣлать этого, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могу не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти. Я вижу это одно, потому что это одно — истина. Остальное все — ложь.

Тѣ двѣ капли меда, которыя дольше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины — любовь къ семьѣ и къ писательству, которое я называлъ искусствомъ, — уже не сладки мнѣ.

„Семья...“ говорилъ я себѣ:—но семья—жена, дѣти; они тоже люди. Они находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ и я: они или должны жить въ лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, растить и блюсти ихъ? Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины, — всякій шагъ въ познаніи ведетъ ихъ къ этой истинѣ. А истина — смерть.

„Искусство, поэзія“... Долго подъ вліяніемъ успѣха похвалы людской я увѣрялъ себя, что это—дѣло, которое должно дѣлать, несмотря на то, что придетъ смерть, которая уничтожитъ все—и мои дѣла и память о нихъ; но скоро я увидалъ, что и это—обманъ. Мнѣ было ясно, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, какъ же я могу заманивать другихъ. Пока я не жилъ своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своихъ волнахъ, пока я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ, хотя я не умѣю выразить его,—отраженія жизни всякаго рода въ поэзіи и искусствахъ доставляли мнѣ радость, мнѣ весело было смотрѣть на жизнь въ это зеркальце искусства; но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, когда я почувствовалъ необходимость самому жить,—зеркальце это стало мнѣ или ненужно, излишне и смѣшно, или мучительно. Мнѣ нельзя уже было утѣшаться тѣмъ, что я въ зеркальцѣ вижу: что положеніе мое глупо и отчаянно. Хорошо мнѣ было радоваться, когда въ глубинѣ души я вѣрилъ, что жизнь моя имѣетъ смыслъ. Тогда эта игра свѣтовъ—комическаго, трагическаго, трогательнаго, прекраснаго, ужаснаго въ жизни—потѣшала меня. Но когда я зналъ, что жизнь безсмысленна и ужасна,—игра въ зеркальце не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть

сладка мнѣ, когда я видѣлъ дракона и мышей, подтачивающихъ мою опору.

Но и этого мало. Если бъ я просто понялъ, что жизнь не имѣетъ смысла, я спокойно бы могъ знать это, могъ бы знать, что это мой удѣлъ. Но я не могъ успокоиться на этомъ. Если бъ я былъ какъ человѣкъ живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что нѣтъ выхода, я бы могъ жить; но я былъ какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго нашелъ ужасъ оттого, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу,—зная, что всякій шагъ его еще болѣе путаетъ его,—и не можетъ не метаться.

Вотъ что было ужасно. И чтобъ избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня,—зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самаго положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что нибудь и все кончится, я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству.

V.

„Но можетъ быть я просмотрѣлъ что-нибудь, не понялъ чего нибудь?—нѣсколько разъ говорилъ я себѣ.—Не можетъ же быть, чтобъ это состояніе отчаянія было свойственно людямъ“. И я искалъ объясненія на мои вопросы во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи,—искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья,—и ничего не нашелъ.

Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ, и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе—безсмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку.

Я искалъ вездѣ и, благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что по связямъ своимъ съ міромъ ученымъ, мнѣ были доступны самые ученые всѣхъ разно-

образныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ,— я узналъ все то, что на вопросъ жизни отвѣчаетъ знаніе.

Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои— одни законные вопросы, служащіе основой всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы.

Вопросъ мой—тотъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ мысли о самоубійствѣ, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца,—тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, такъ я и испыталъ это на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: „что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни?“

Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: „зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?“ Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: „есть ли въ моей жизни смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной предстоящею мнѣ смертью?“

На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выраженный вопросъ, я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи. И я нашелъ, что по отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противоположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса: одинъ—отрицательный, другой—положительный; но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы жизни.

Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это—рядъ знаній опытныхъ и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній при-

знаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это—рядъ знаній умозрительныхъ и на крайней ихъ точкѣ—метафизика.

Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня, и пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельно разрѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которые даетъ знаніе.

То, въ области опытной, я говорилъ себѣ: „Все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты—часть цѣлаго. Познавъ, насколько возможно, цѣлое и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ, и самого себя“. Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогащалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе и вопроса моей жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился,—я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ,—и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть; а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона; и мнѣ ясно стало, что законовъ безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать: въ безконечномъ пространствѣ и времени все развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется,—это значитъ ничего не сказать. Все это—слова безъ значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простого, ни переда, ни зада, ни лучшаго, ни худшаго.

Главное же то, что вопросъ мой личный: что я такое съ моими желаніями?—остается уже совсѣмъ безъ отвѣта. И я понялъ, что знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знанія обратно пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ менѣе они приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ они точ-

нѣе и яснѣе, чѣмъ болѣе они пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни, тѣмъ болѣе они становятся неясными и непривлекательными. Если обратиться къ той отрасли этихъ явленій, которыя пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни—къ физіологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ неоправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросовъ и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ другими и даже съ самимъ собою. Если обратиться къ отрасли знаній не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные спеціальные вопросы, то восхищаешься силой человѣческаго ума, но знаешь впередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни нѣтъ. Эти знанія прямо игнорируютъ вопросъ жизни. Они говорятъ: „на то, что мы такое и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ и этимъ не занимаемся; а вотъ, если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединеній, законы развитія организмовъ, если тебѣ нужно законы тѣлъ, ихъ формъ и отношеніе чиселъ и величинъ, если тебѣ нужно знать законы своего ума, то на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣнные отвѣты“.

Вообще отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросу жизни можетъ быть выражено такъ: Вопросъ: Зачѣмъ я живу?—Отвѣтъ: Въ безконечно-большомъ пространствѣ, въ безконечно-долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь.

То, въ области умозрительной, я говорилъ себѣ: „все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти становятся все выше и выше, человѣчество идетъ къ высшему благу. Я—часть человѣчества, и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества“. И я во время слабоумія своего удовлетворялся этимъ; но какъ скоро ясно возсталъ во мнѣ вопросъ жизни, вся эта теорія мгновенно рушилась. Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланныя изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы; не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ иде-

алы человѣчества,—странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобъ отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: „что я такое“, или „зачѣмъ я живу“, или: „что мнѣ дѣлать“,—человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ: „что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени. Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя.

Долженъ сознаться, было время, когда я вѣрилъ этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я могъ бы смотрѣть на свои прихоти какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возсталъ въ моей душѣ вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетѣлся прахомъ. И я понялъ, что какъ въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на неподлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области я понялъ, что есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать на неподлежащіе вопросы. Полунауки этой области—науки юридическія, соціально-историческія—пытаются разрѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онѣ, мнимо, каждая по своему, разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества.

Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ искренно спрашивающій, какъ мнѣ жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ, и тогда ты поймешь свою жизнь,—точно также не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ,—изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно также какъ въ полунаукахъ опытныхъ, и эти полунауки тѣмъ болѣе исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противорѣчій, чѣмъ далѣе они уклонятся отъ самихъ задачъ. Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явленій. Стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ и—получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознаніе безпричинной сущности жизни. Стоитъ ввести

изслѣдованіе причинныхъ явленій, какъ явленія соціальныя, историческія, и получается чепуха.

Опытная наука тогда только имѣетъ положительное значеніе и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она не вводитъ въ свои изслѣдованія конечной причины. И, наоборотъ, умозрительная наука—тогда только наука и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій и разсматриваетъ человѣка только по отношенію къ конечной причинѣ. Такова въ этой области наука, составляющая полюсъ области, метафизика или философія. Наука эта ясно ставитъ вопросъ: что такое я и весь міръ? и зачѣмъ я и зачѣмъ весь міръ? И съ тѣхъ поръ какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи ли, субстанцію ли, духъ ли, волю ли называетъ философъ сущностью жизни, находящейся во мнѣ и во всемъ существующемъ, философъ говоритъ одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю: зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?... И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ. И если она — истинная философія, то вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобъ ясно поставить этотъ вопросъ. И если она твердо держится своей задачи, то она и не можетъ отвѣчать на вопросъ: что такое я и весь міръ иначе какъ — „все и ничто", а на вопросъ: зачѣмъ?—„не знаю".

Такъ что, какъ ни верти тѣми умозрительными отвѣтами философіи, я никакъ не получу ничего похожаго на отвѣтъ,— и не потому, что какъ въ области ясной, опытной, отвѣтъ относится не до моего вопроса, а потому, что тутъ, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопросъ, отвѣта нѣтъ, а вмѣсто отвѣта получается тотъ же вопросъ, только въ усложненной формѣ.

VI.

Въ поискахъ за отвѣтами на вопросъ жизни я испыталъ совершенно тоже чувство, которое испытываетъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ.

Вышелъ на поляну, влѣзъ на дерево и увидалъ ясно безпредѣльныя пространства, но увидалъ, что дома тамъ нѣтъ и не можетъ быть; пошелъ въ чащу, во мракъ и увидалъ мракъ, и тоже нѣтъ и нѣтъ дома.

Такъ я блуждалъ въ этомъ лѣсу знаній человѣческихъ между просвѣтомъ знаній математическихъ и опытныхъ, открывавшихъ мнѣ ясные горизонты, но такіе, по направленію которыхъ не могло быть дома, и между мракомъ умозрительныхъ знаній, гдѣ я погружался тѣмъ въ большій мракъ, чѣмъ дальше подвигался, и убѣдился наконецъ въ томъ, что выхода нѣтъ и не можетъ быть.

Отдаваясь свѣтлой сторонѣ знаній, я понималъ, что я только отвожу себѣ глаза отъ вопроса. Какъ ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшіеся мнѣ, какъ ни заманчиво было погружаться въ безконечность этихъ знаній, я понималъ уже, что онѣ, эти знанія, тѣмъ болѣе ясны, чѣмъ менѣе онѣ мнѣ нужны, чѣмъ менѣе отвѣчаютъ на вопросъ.

Ну, я знаю,—говорилъ я себѣ,—все то, что такъ упорно желаетъ знать наука, а отвѣта на вопросъ о смыслѣ моей жизни на этомъ пути нѣтъ. Въ умозрительной же области я понималъ, что, несмотря на то, или именно потому, что цѣль знанія была прямо направлена на отвѣтъ моему вопросу, отвѣта нѣтъ иного, какъ тотъ, который я самъ далъ себѣ: какой смыслъ моей жизни? — Никакого. Или: что выйдетъ изъ моей жизни?—Ничего. Или: зачѣмъ существуетъ все то, что существуетъ, и зачѣмъ я существую?—Затѣмъ, что существуетъ.

Спрашивая у одной стороны человѣческихъ знаній, я получалъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, о чемъ я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движеніи солнца къ созвѣздію Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно-малыхъ, невѣсомыхъ частицъ эфира; но отвѣтъ въ этой области знаній на мой вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни,—былъ одинъ: ты то, что ты называешь твоей жизнью; ты—временное, случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продолжится нѣкоторое время; потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится — и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты—случайно слѣпившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочится—и кончается прѣніе, и всѣ вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній, и ничего другого не можетъ сказать, если она только строго слѣдуетъ своимъ основамъ.

При такомъ отвѣтѣ оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Мнѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ.

Тѣ же неясныя сдѣлки, которыя дѣлаетъ эта сторона опытнаго, точнаго знанія съ умозрѣніемъ, при которыхъ говорится, что смыслъ жизни состоитъ въ развитіи и содѣйствіи этому развитію, по неточности и неясности своей не могутъ считаться отвѣтами.

Другая сторона знанія—умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, прямо отвѣчая на вопросъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и тоже: міръ есть что-то безконечное и непонятное. Жизнь человѣческая есть непостижимая часть этого непостижимаго „всего". Опять я исключаю всѣ тѣ сдѣлки между умозрительными и опытными знаніями, которыя составляютъ весь баластъ полунаукъ, такъ называемыхъ юридическихъ, политическихъ, историческихъ. Въ эти науки опять также неправильно вводятся понятія, развитія, совершенствованія съ тою только разницей, что тамъ, — развитіе всего, а здѣсь — жизни людей. Неправильность одна и та же: развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не можетъ имѣть ни цѣли, ни направленія, и по отношенію къ моему вопросу ничего не отвѣчаетъ.

Тамъ же, гдѣ умозрительное знаніе точно, именно въ истинной философіи, не въ той, которую Шопенгауеръ называетъ профессорской философіей, служащей только къ тому, чтобы распредѣлить всѣ существующія явленія по новымъ философскимъ графамъ и назвать ихъ новыми именами, — тамъ, гдѣ философъ не опускаетъ изъ виду существеннаго вопроса, отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же, — отвѣтъ данный Сократомъ, Шопенгауеромъ, Соломономъ, Буддой.

„Мы приблизимся къ истинѣ только настолько, насколько мы удалимся отъ жизни, — говоритъ Сократъ, готовясь къ смерти.—Зачѣмъ, любящіе истину, стремимся къ смерти?—Затѣмъ, чтобъ освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ жизни тѣла. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ?

Мудрецъ всю жизнь ищетъ смерти, и потому смерть не страшна ему".

А вотъ что говоритъ Шопенгауеръ:

„Познавши внутреннюю сущность міра, какъ волю, и во всѣхъ явленіяхъ, отъ безсознательнаго стремленія темныхъ

силъ природы до полной сознаніемъ дѣятельности человѣка, признавши только предметность этой воли, мы никакъ не избѣжимъ того слѣдствія, что вмѣстѣ съ свободнымъ отрицаніемъ, самоуничтоженіемъ воли исчезнутъ и всѣ тѣ явленія, то постоянное стремленіе и влеченіе безъ цѣли и отдыха на всѣхъ ступеняхъ предметности, въ которомъ и черезъ которое состоитъ міръ, исчезнетъ разнообразіе послѣдовательныхъ формъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ формой всѣ ея явленія съ своими общими формами, пространствомъ и временемъ, а наконецъ и послѣдняя основная его форма—субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли, нѣтъ представленія, нѣтъ и міра. Передъ нами, конечно, остается только ничто. Но то, что противится этому переходу въ ничтожество, наша природа, есть вѣдь только эта самая воля къ существованію (wille zum Leben), составляющая насъ самихъ, какъ и нашъ міръ. Что мы такъ страшимся ничтожества, или, что то же, такъ хотимъ жить—означаетъ только, что мы сами ничто иное, какъ это хотѣніе—жизнь и ничего не знаемъ, кромѣ него. Поэтому то, что останется по совершенномъ уничтоженіи воли для насъ, которые еще полны волей, есть, конечно ничто; но, и наоборотъ, для тѣхъ, въ которыхъ воля обратилась и отреклась отъ себя, для нихъ этотъ нашъ столь реальный міръ, со всѣми его солнцами и млечными путями, есть ничто".

„Суета сует, — говоритъ Соломонъ, — суета сует — все суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ преходитъ и родъ проходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое"; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ. Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и тамъ, что будетъ, не останется памяти о тѣхъ, которые будутъ послѣ. Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ богъ сынамъ человѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и, вотъ, все суета и томленіе духа... Говорилъ я въ сердцѣ моемъ такъ: вотъ я возвеличился, пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость, и познать безуміе

и глупость; узналъ, что и это—томленіе духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь.

„Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я себя веселіемъ, и наслажусь добромъ; но и это — суета. О смѣхѣ сказалъ я: глупость, — а о веселіи: что оно дѣлаетъ? Вздумалъ я въ сердцѣ своемъ услаждать виномъ тѣло мое и, между тѣмъ какъ сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколѣ не увижу, что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подъ небомъ въ немногіе дни своей жизни. Я предпринялъ большія дѣла, построилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовыя деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей, произращающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и, вотъ, все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. И оглянулся я, чтобы взглянуть на мудрость и безуміе и глупость. Но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какая и глупаго;—къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ моемъ, что и это — суета. Потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увы, мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ! И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все—суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. Ибо что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится онъ подъ солнцемъ? Потому что всѣ дни его—скорби и его труды — безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ

покоя. И это — суета. Не во власти человѣка и то благо, чтобъ ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего.

„Всему и всѣмъ одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, честному и нечестному, приносящему жертву и неприносящему жертвы: какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику; какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, что одна участь всѣмъ и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и безуміе въ сердце ихъ, въ жизни ихъ, а послѣ того они отходятъ къ умершимъ. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые не знаютъ ничего, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потому что и память о нихъ предана забвенію; и любовь ихъ, и ненависть ихъ, и ревность ихъ уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе чести во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ“.

Такъ говоритъ Соломонъ, или тотъ, кто писалъ эти слова.

А вотъ что говоритъ индійская мудрость:

Сакіа-Муни, молодой, счастливый царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, старость, смерть, идетъ на гулянье и видитъ страшнаго старика, беззубаго и слюняваго. Царевичъ, отъ котораго до сихъ поръ скрыта была старость, удивляется и выспрашиваетъ возницу, что это такое и отчего этотъ человѣкъ пришелъ въ такое жалкое, отвратительное и безобразное состояніе. И когда онъ узнаетъ, что это общая участь всѣхъ людей, что ему, молодому царевичу, неизбѣжно предстоитъ то же самое, онъ не можетъ уже ѣхать гулять и приказываетъ вернуться, чтобъ обдумать это. И онъ запирается одинъ и обдумываетъ. И, вѣроятно, придумываетъ себѣ какое-нибудь утѣшеніе, потому что опять веселый и счастливый выѣзжаетъ на гулянье. Но въ этотъ разъ ему встрѣчается больной. Онъ видитъ измозженнаго, посинѣвшаго, трясущагося человѣка, съ помутившимися глазами. Царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, останавливается и спрашиваетъ, что это такое. И когда онъ узнаетъ, что это—болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, и что онъ самъ, здоровый и счастливый царевичъ, завтра можетъ заболѣть такъ же, онъ опять не имѣетъ духа веселиться, приказываетъ вернуться и опять ищетъ успокоенія, и, вѣроятно, находитъ его, потому что въ третій разъ ѣдетъ

гулять; но въ третій разъ онъ видитъ еще новое зрѣлище: онъ видитъ, что несутъ что-то. „Что это?"—Мертвый человѣкъ.—„Что значитъ мертвый?"—спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что сдѣлаться мертвымъ, значитъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлался этотъ человѣкъ. Царевичъ подходитъ къ мертвому, открываетъ и смотритъ на него.—„Что же будетъ съ нимъ дальше?"—спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что его закопаютъ въ землю.—„Зачѣмъ?"—Затѣмъ, что онъ уже навѣрно не будетъ больше никогда живой, а только будетъ отъ него смрадъ и черви.—„И это удѣлъ всѣхъ людей? И со мною то же будетъ? Меня закопаютъ и отъ меня будетъ смрадъ и меня съѣдятъ черви?"—Да.—„Назадъ! Я не ѣду гулять и никогда не поѣду больше".

И Сакіа-Муни не могъ найти утѣшенія въ жизни, и онъ рѣшилъ, что жизнь—величайшее зло, и всѣ силы души употребилъ на то, чтобъ освободиться отъ нея и освободить другихъ. И освободить такъ, чтобъ и послѣ смерти жизнь не возобновлялась какъ-нибудь, чтобъ уничтожить жизнь совсѣмъ въ корнѣ. Это говоритъ вся индійская мудрость.

Такъ вотъ тѣ прямые отвѣты, которые даетъ мудрость человѣческая, когда она отвѣчаетъ прямо на вопросъ жизни.

„Жизнь тѣла есть зло и ложь. И потому уничтоженіе этой жизни тѣла есть благо, и потому мы должны желать его", говоритъ Сократъ.

„Жизнь есть то, чего не должно бы быть,—зло, и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни", говоритъ Шопенгауеръ.

„Все въ мірѣ—и глупость и мудрость и богатство и нищета, и веселье и горе—все суета и пустяки. Человѣкъ умретъ и ничего не останется. И это глупо", говоритъ Соломонъ.

„Жить съ сознаніемъ неизбѣжности страданій, ослабленія, старости и смерти нельзя,—надо освободить себя отъ жизни, отъ всякой возможности жизни", говоритъ Будда.

И то, что сказали эти сильные умы, говорили, думали и чувствовали милліоны милліоновъ людей подобныхъ имъ. И думаю, и чувствую и я.

Такъ что блужданіе мое въ знаніяхъ не только не вывело меня изъ моего отчаянія, но только усилило его. Одно знаніе не отвѣтило на вопросы жизни, другое же знаніе отвѣтило прямо, подтверждая мое отчаяніе и указывая, что то, къ чему я пришелъ, не есть плодъ моего заблужденія,

болѣзненнаго состоянія ума,—напротивъ, оно подтвердило мнѣ то, что я думалъ вѣрно и сошелся съ выводами сильнѣйшихъ умовъ и человѣчества.

Обманывать себя нечего. Все—суета. Счастливъ, кто не родился,—смерть лучше жизни; надо избавиться отъ нея.

VII.

Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его, и я сталъ наблюдать людей—такихъ же, какъ я, какъ они живутъ вокругъ меня и какъ они относятся къ этому вопросу, приведшему меня къ отчаянію.

И вотъ, что я нашелъ у людей, находящихся въ одномъ со мною положеніи по образованію и образу жизни.

Я нашелъ, что для людей моего круга есть четыре выхода изъ этого ужаснаго положенія, въ которомъ мы всѣ находимся.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и безсмыслица. Люди этого разряда—большею частью женщины или очень молодые, или очень тупые люди—еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауеру, Соломону, Буддѣ. Они не видятъ ни дракона, ожидающаго ихъ, ни мышей, подтачивающихъ кусты, за которые они держатся и лижутъ капли меду. Но они лижутъ эти капли меда только до времени: лишь что-нибудь обратитъ ихъ вниманіе на дракона и мышей и—конецъ ихъ лизанью. Отъ нихъ мнѣ нечему научиться,—нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выходъ—это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамѣстъ тѣми благами, какія есть, несмотря ни на дракона, ни на мышей, а лизать медъ самымъ лучшимъ образомъ, особенно если его накопилось много. Соломонъ выражаетъ этотъ выходъ такъ:

„И похвалилъ я веселье, потому что нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться; это сопровождаетъ его въ трудахъ во дни жизни его, которые далъ ему богъ подъ солнцемъ.

„И такъ, иди, ѣшь съ весельемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое... Наслаждайся жизнью съ жен-

щиною, которую любишь, во всѣ дни суеты жизни твоей, во всѣ суетные дни твои, потому что это—доля твоя въ жизни и трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подъ солнцемъ... Все, что можетъ рука твоя по силамъ дѣлать, дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости".

Такъ поддерживаютъ въ себѣ возможность жизни большинство людей нашего круга. Условія, въ которыхъ они находятся, дѣлаютъ то, что благъ у нихъ больше, чѣмъ золъ, а нравственная тупость даетъ имъ возможность забывать, что выгода ихъ положенія случайна, что всѣмъ нельзя имѣть 1000 женщинъ и дворцовъ, какъ Соломонъ, что за каждаго человѣка съ 1000 женъ есть 1000 людей безъ женъ и на каждый дворецъ есть 1000 людей, въ потѣ строящихъ его, и что та случайность, которая нынче сдѣлала меня Соломономъ, завтра можетъ сдѣлать меня рабомъ Соломона. Тупость же воображенія этихъ людей даетъ имъ возможность забывать про то, что не дало покоя Буддѣ—неизбѣжность болѣзни, старости и смерти, которая не нынче—завтра разрушитъ всѣ эти удовольствія.

Такъ думаютъ и чувствуютъ большинство людей нашего времени и образа жизни. То, что нѣкоторые изъ этихъ людей утверждаютъ, что тупость ихъ мысли и воображенія есть философія, которую они называютъ позитивной, не выдѣляетъ на мой взглядъ этихъ людей изъ разряда тѣхъ, которые, чтобы не видать вопроса, лижутъ медъ. И этимъ людямъ я не могъ подражать: не имѣя ихъ тупости воображенія, я не могъ ее искусственно произвести въ себѣ. Я не могъ, какъ не можетъ всякій живой человѣкъ, оторвать глазъ отъ мышей и дракона, когда онъ разъ увидалъ ихъ.

Третій выходъ есть выходъ силы и энергіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и безсмыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди. Понявъ всю глупость шутки, какая надъ ними сыграна, и понявъ, что блага умершихъ паче благъ живыхъ и что лучше всего не быть, они такъ и поступаютъ и кончаютъ сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, ножъ, чтобъ имъ проткнуть сердце, поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. И людей изъ нашего круга, поступающихъ такъ, становится все больше и больше. И поступаютъ такъ люди большею частью въ самый лучшій періодъ жизни, когда силы души находятся въ самомъ рас-

цвѣтѣ, а уничтожающихъ человѣческихъ разумъ привычекъ еще усвоено мало.

Я видѣлъ, что это самый достойный выходъ, и хотѣлъ поступить такъ.

Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и безсмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная впередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Люди этого разбора знаютъ, что смерть лучше жизни, но, не имѣя силъ поступить разумно, поскорѣе кончить обманъ и убить себя, чего-то какъ будто ждутъ. Это есть выходъ слабости, ибо если я знаю лучшее и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему?.. Я находился въ этомъ разрядѣ.

Такъ люди моего разбора четырьмя путями спасаются отъ ужаснаго противорѣчія. Сколько я ни напрягалъ своего умственнаго вниманія, кромѣ этихъ четырехъ выходовъ я не видалъ еще иного. Одинъ выходъ: не понимать того, что жизнь есть безсмыслица, суета и зло, и что лучше не жить. Я не могъ не знать этого, и когда разъ узналъ, не могъ закрыть на это глаза. Другой выходъ—пользоваться жизнью такою, какая есть, не думая о будущемъ. И этого не могъ сдѣлать. Я, какъ Сакіа-Муни, не могъ ѣхать на охоту, когда зналъ, что есть старость, страданія, смерть. Воображеніе у меня было слишкомъ живо. Кромѣ того, я не могъ радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновеніе наслажденіе на мою долю. Третій выходъ: понявъ, что жизнь есть зло и глупость, прекратить, убить себя. Я понялъ это, но почему-то все еще не убивалъ себя. Четвертый выходъ—жить въ положеніи Соломона, Шопенгауера—знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка, и всетаки жить, умываться, одѣваться, обѣдать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ положеніи.

Оно было такое: я, мой разумъ—признали, что жизнь неразумна. Если нѣтъ высшаго разума (а его нѣтъ и ничто доказать его не можетъ), то разумъ есть творецъ жизни для меня. Не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Какъ же этотъ разумъ отрицаетъ жизнь, а онъ самъ творецъ жизни? Или, съ другой стороны: если бы не было жизни, не было бы и моего разума,—стало быть разумъ есть сынъ жизни. Жизнь есть все. Разумъ есть плодъ жизни, и разумъ этотъ отрицаетъ самую жизнь. Я чувствовалъ, что тутъ что-то неладно.

Жизнь есть безсмысленное зло, это несомнѣнно—говорилъ я себѣ.—Но я жилъ, живу еще, и жило и живетъ все человѣчество. Какъ же такъ? Зачѣмъ же оно живетъ, когда можетъ не жить? Что-жъ, я одинъ съ Шопенгауеромъ такъ уменъ, что понялъ безсмысленность и зло жизни?

Разсужденіе о тщетѣ жизни не такъ хитро и его дѣлаютъ давно и всѣ самые простые люди, а жили они и живутъ. Что-жъ, они-то всѣ живутъ и никогда не думаютъ сомнѣваться въ разумности жизни?

Мое знаніе, подтверждаемое мудростью мудрецовъ, открыло мнѣ, что все на свѣтѣ—органическое и неорганическое—все необыкновенно умно устроено, только мое одно положеніе глупо. А эти дураки—огромныя массы простыхъ людей—ничего не знаютъ на счетъ того, какъ все органическое и неорганическое устроено на свѣтѣ, а живутъ и имъ кажется, что жизнь очень разумно устроена!..

И мнѣ приходило въ голову: а что, какъ я чего нибудь еще не знаю? Вѣдь точно такъ поступаетъ незнаніе. Незнаніе вѣдь всегда это самое говоритъ. Когда оно не знаетъ чего нибудь, оно говоритъ, что глупо то, чего оно не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ выходитъ такъ, что есть человѣчество цѣлое, которое жило и живетъ, какъ будто понимая смыслъ своей жизни, ибо не понимая его оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь есть безсмыслица, и не могу жить.

Никто не мѣшаетъ намъ отрицать жизнь самоубійствомъ. Но тогда убей и себя и—не будешь разсуждать. Не нравится тебѣ жизнь, убей себя. А живешь и не можешь понять смысла жизни, тогда прекрати ее, а не вертись въ этой жизни, разсказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришелъ въ веселую компанію, всѣмъ очень хорошо, всѣ знаютъ, что они дѣлаютъ, а тебѣ скучно и противно, такъ уйди.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что же такое мы, убѣжденные въ необходимости самоубійства и не рѣшающіеся совершить его, какъ не самые слабые, непослѣдовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящіеся съ своею глупостью, какъ дуракъ съ писанной торбой?

Вѣдь наша мудрость, какъ ни несомнѣнно вѣрна она, не дала намъ знанія смысла нашей жизни. Все же человѣчество, дѣлающее жизнь, милліоны—не сомнѣваются въ смыслѣ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ давнихъ, давнихъ поръ, какъ есть жизнь, о которой я что нибудь да знаю, жили люди, зная то разсужденіе о тщетѣ жизни, которое мнѣ показало ея безсмыслицу, и все таки жили, придавая ей какой-то смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась какая-нибудь жизнь людей, у нихъ уже былъ этотъ смыслъ жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мнѣ и около меня,—все и плотское, и неплотское, все это—плодъ ихъ знанія жизни. Тѣ самыя орудія мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее,—все это не мной, а ими сдѣлано. Самъ я родился, воспитался, выросъ, благодаря имъ. Они выкопали желѣзо, научили рубить лѣсъ, приручили коровъ, лошадей, научили сѣять, научили жить вмѣстѣ, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то—ихъ произведеніе, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, ихъ мыслями и словами—доказалъ имъ, что они—безсмыслица! Тутъ что-то не такъ, говорилъ я себѣ. —„Гдѣ нибудь я ошибся". Но въ чемъ была ошибка, я никакъ не могъ найти.

VIII.

Всѣ эти сомнѣнія, которыя я теперь въ состояніи высказать болѣе или менѣе связно, тогда я не могъ бы высказать. Тогда я только чувствовалъ, что какъ ни логически неизбѣжны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщетѣ жизни, въ нихъ было что-то неладно. Въ самомъ ли разсужденіи, въ постановкѣ ли вопроса, я не зналъ,—я чувствовалъ только, что убѣдительность разумная была совершенная, но что ея было мало. Всѣ эти выводы не могли убѣдить меня такъ, чтобъ я сдѣлалъ то, что вытекало изъ моихъ разсужденій, т. е. чтобъ я убилъ себя. И я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ, и не убилъ себя. Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила разумъ. Эта сила заставила меня обратить вниманіе на то, что я съ сотнями подобныхъ мнѣ людей не есть все человѣчество, что жизни человѣчества я еще не знаю.

Оглядывая тѣсный кружокъ сверстныхъ мнѣ людей, я видѣлъ только людей, не понимавшихъ вопроса, понимавшихъ и заглушившихъ вопросъ пьянствомъ жизни, понявшихъ и прекращавшихъ жизнь и понявшихъ и по слабости доживавшихъ отчаянную жизнь. И я не видалъ иныхъ. Мнѣ казалось, что тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, составляетъ все человѣчество, а что тѣ милліарды жившихъ и живыхъ это—такъ, какіе то скоты, не люди.

Какъ ни странно, ни неимовѣрно-непонятно кажется мнѣ теперь то, какъ могъ я, разсуждая про жизнь, просмотрѣть окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ, жизнь человѣчества, какъ я могъ до такой степени смѣшно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломоновъ и Шопенгауеровъ есть настоящая нормальная жизнь, а жизнь милліардовъ есть не стоющее вниманія обстоятельство,—какъ ни странно это мнѣ теперь, я вижу, что это было такъ. Въ заблужденіи гордости своего ума, мнѣ такъ казалось несомнѣннымъ, что мы съ Соломономъ и Шопенгауеромъ поставили вопросъ такъ вѣрно и истинно, что другого ничего быть не можетъ,—такъ несомнѣнно казалось, что всѣ эти милліарды принадлежатъ къ тѣмъ, которые еще не дошли до постиженія всей глубины вопроса, что я искалъ смысла своей жизни и ни разу не подумалъ: „да какой же смыслъ придаютъ ей и придавали всѣ милліарды, жившіе и живущіе на свѣтѣ?“

Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, особенно свойственномъ не на словахъ, но на дѣлѣ намъ—самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что я ничего не могу знать, какъ то, что самое лучшее, что я могу сдѣлать—это повѣситься,—я чуялъ, что если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, не ученыхъ и не богатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему

дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать же ихъ неразумно доживающими безсмысленную жизнь могу еще меньше, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывается, что у всего человѣчества есть какое-то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Выходило то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь; смыслъ же придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ ложномъ знаніи.

Разумное знаніе въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество—признаютъ этотъ смыслъ въ неразумномъ знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра, та самая, которую я не могъ не откинуть. Это Богъ 1 и 3, это твореніе въ 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока я не сошелъ съ ума.

Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ничего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни, а тамъ въ вѣрѣ—ничего, кромѣ отрицанія разума, которое еще невозможнѣе, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло и люди знаютъ это,—отъ людей зависитъ не жить, а они жили и живутъ, и самъ я жилъ, хотя и зналъ уже давно то, что жизнь безсмысленна и есть зло. По вѣрѣ выходило, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самаго, для котораго нуженъ смыслъ.

XIX.

Выходило противорѣчіе, изъ котораго было только два выхода: или то, что я называлъ разумнымъ, не было такъ разумно, какъ я думалъ; или то, что мнѣ казалось неразумно, не было такъ неразумно, какъ я думалъ. И я сталъ провѣрять ходъ разсужденій моего разумнаго знанія.

Провѣряя ходъ разсужденія разумнаго знанія, я нашелъ его совершенно правильнымъ. Выводъ о томъ, что жизнь есть ничто, былъ неизбѣженъ; но я увидалъ ошибку. Ошибка

была въ томъ, что я мыслилъ несоотвѣтственно поставленному мною вопросу. Вопросъ былъ тотъ: зачѣмъ мнѣ жить, т. е., что выйдетъ настоящаго, не уничтожающагося изъ моей призрачной, уничтожающейся жизни,—какой смыслъ имѣетъ мое конечное существованіе въ этомъ безконечномъ мірѣ? И чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я изучалъ жизнь.

Рѣшенія всѣхъ возможныхъ вопросовъ жизни, очевидно, не могли удовлетворять меня, потому что мой вопросъ, какъ онъ ни простъ кажется сначала, включаетъ въ себѣ требованіе объясненія конечнаго безконечнымъ и наоборотъ.

Я спрашивалъ: какое внѣвременное, внѣпричинное, внѣпространственное значеніе моей жизни?—А отвѣчалъ я на вопросъ: какое временное, причинное и пространственное значеніе моей жизни?.. Вышло то, что послѣ долгаго труда мысли я отвѣтилъ: никакого.

Въ разсужденіяхъ моихъ, я постоянно приравнивалъ, да и не могъ поступить иначе, конечное къ конечному и безконечное къ безконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, безконечность есть безконечность, ничего есть ничего—и дальше ничего не могло выйдти.

Было что-то подобное тому, что бываетъ въ математикѣ, когда, думая рѣшать уравненіе, рѣшаешь тождество. Ходъ размышленія правиленъ, но въ результатѣ получается отвѣтъ: а=а, или х=х, или о=о. Тоже самое случилось и съ моимъ разсужденіемъ по отношенію къ вопросу о значеніи моей жизни. Отвѣты, даваемые всею наукой на этотъ вопросъ—только тождества.

И дѣйствительно, строго разумное знаніе, которое, какъ это сдѣлалъ Декартъ, начинаетъ съ полнаго сомнѣнія во всемъ, откидываетъ всякое допущенное на вѣру знаніе и строитъ все вновь на законахъ разума и опыта,—и не можетъ дать иного отвѣта на вопросъ жизни, какъ тотъ самый, который и я получилъ,—отвѣтъ неопредѣленный. Мнѣ только показалось сначала, что знаніе дало положительный отвѣтъ—отвѣтъ Шопенгауера: жизнь не имѣетъ смысла, она есть зло; но разобравъ дѣло, я понялъ, что отвѣтъ не положительный, что мое чувство только выразило его такъ. Отвѣтъ же строго выраженный, какъ онъ и выраженъ и у браминовъ, и у Соломона, и у Шопенгауера, есть только отвѣтъ неопредѣленный, или тождество о=о, жизнь есть ничто. Такъ что, знаніе философское ничего не отрицаетъ, а

только отвѣчаетъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ имъ, что для него рѣшеніе остается неопредѣленнымъ.

Понявъ это, я понялъ, что нельзя было искать въ разумномъ знаніи отвѣта на мой вопросъ и что отвѣтъ, даваемый разумнымъ знаніемъ, есть только указаніе на то, что отвѣтъ можетъ быть полученъ только при иной постановкѣ вопроса, только тогда, когда въ разсужденіе будетъ введенъ вопросъ отношенія конечнаго къ безконечному. Я понялъ и то, что какъ ни неразумны и уродливы отвѣты, даваемые вѣрою, они имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному, безъ котораго не можетъ быть отвѣта.

Какъ я ни поставлю вопросъ: какъ мнѣ жить,—отвѣтъ: по закону Божію. Что выйдетъ изъ настоящей моей жизни? —Вѣчныя мученія или вѣчное блаженство. Какой смыслъ, не уничтожаемый смертью?—Соединеніе съ безконечнымъ Богомъ, рай.

Такъ что, кромѣ разумнаго знанія, которое мнѣ прежде представлялось единственнымъ, я былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію того, что у всего живущаго человѣчества есть еще какое-то другое знаніе неразумное—вѣра, дающая возможность жить.

Вся неразумность вѣры оставалась для меня та же, какъ и прежде, но я не могъ не признать того, что она одна даетъ человѣчеству отвѣты на вопросы жизни и вслѣдствіе того возможность жить.

Разумное знаніе привело меня къ признанію того, что жизнь безсмысленна,—жизнь моя остановилась и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидалъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. На себя оглянулся: я жилъ, пока зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра.

Оглянувшись дальше на людей другихъ странъ, на современныхъ мнѣ и на отжившихъ, я увидалъ одно и то же. Гдѣ жизнь, тамъ вѣра, съ тѣхъ поръ, какъ есть человѣчество, даетъ возможность жить и главныя черты вѣры вездѣ и всегда одни и тѣ же.

Какіе бы и кому бы ни давала отвѣты, какая бы то ни была вѣра, всякій отвѣтъ вѣры конечному существованію человѣка придаетъ смыслъ безконечнаго,—смыслъ, не уничтожаемый страданіями, лишеніями и смертью. Значитъ—въ

одной вѣрѣ можно найти смыслъ и возможность жизни. Что же такое эта вѣра? И я понялъ, что вѣра не есть только обличеніе вещей невидимыхъ и т. д., не есть откровеніе (это есть только описаніе одного изъ признаковъ вѣры), не есть отношеніе человѣка къ богу (надо опредѣлить вѣру, а потомъ бога, а не черезъ бога опредѣлять вѣру), не есть только согласіе съ тѣмъ, что сказали человѣку, какъ чаще всего понимается вѣра,—вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Если бы онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ. Если онъ не видитъ и не понимаетъ призрачности конечности, онъ вѣритъ въ это конечное; если онъ понимаетъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣрить въ безконечное. Безъ вѣры нельзя жить.

И я вспомнилъ весь ходъ своей внутренней работы и ужаснулся. Теперь мнѣ было ясно, что для того, чтобы человѣкъ могъ жить, ему нужно или не видѣть безконечнаго, или имѣть такое объясненіе смысла жизни, при которомъ конечное приравнивалось бы безконечному. Такое объясненіе у меня было, но оно мнѣ было не нужно, пока я вѣрилъ въ конечное, и я сталъ разумомъ провѣрять его. И передъ свѣтомъ разума все прежнее объясненіе разлетѣлось прахомъ; но пришло время, когда я пересталъ вѣрить въ конечное. И тогда я сталъ на разумныхъ основаніяхъ строить изъ того, что я зналъ, такое объясненіе, которое дало бы смыслъ жизни; но ничего не построилось. Вмѣстѣ съ лучшими умами человѣчества я пришелъ къ тому, что о=о, и очень удивился, что получилъ такое рѣшеніе, тогда какъ ничего иного и не могло выйти.

Что я дѣлалъ, когда искалъ отвѣта въ знаніяхъ опытныхъ?—Я хотѣлъ узнать, зачѣмъ я живу, и для того изучалъ все то, что внѣ меня. Ясно, что я могъ узнать многое, но ничего изъ того, что мнѣ нужно.

Что я дѣлалъ, когда я искалъ отвѣта въ знаніяхъ философскихъ? Я изучалъ мысли тѣхъ существъ, которыя находились въ томъ же самомъ положеніи, какъ и я, которыя не имѣли отвѣта на вопросъ: зачѣмъ я живу. Ясно, что я ничего и не могъ узнать иначе какъ то, что я самъ зналъ, что ничего знать нельзя.

Что такое я?—Часть безконечнаго. Вѣдь уже въ этихъ двухъ словахъ лежитъ вся задача.

Неужели этотъ вопросъ только со вчерашняго дня сдѣлало себѣ человѣчество? И неужели никто до меня не задавалъ себѣ этого вопроса,—вопроса такого простого, просящагося на языкъ каждому умному дитяти?

Вѣдь этотъ вопросъ былъ поставленъ съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, понятно, что для рѣшенія этого вопроса одинаково недостаточно приравнивать конечное къ конечному, и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, отысканы отношенія конечнаго къ безконечному и выражены.

Всѣ эти понятія, при которыхъ приравнивается конечное къ безконечному и получается смыслъ жизни, понятія бога, свободы, добра, мы подвергаемъ логическому изслѣдованію. И эти понятія не выдерживаютъ критики разума.

Если бы не было такъ ужасно, было бы смѣшно, съ какою гордостью и самодовольствомъ мы, какъ дѣти, разбираемъ часы, вынимаемъ пружину, дѣлаемъ изъ нея игрушку и потомъ удивляемся, что часы перестаютъ итти.

Нужно и дорого разрѣшеніе противорѣчія конечнаго съ безконечнымъ и отвѣтъ на вопросъ жизни такой, при которомъ возможна жизнь. И это единственное разрѣшеніе, которое мы находимъ вездѣ, всегда и у всѣхъ народовъ,—разрѣшеніе, вынесенное изъ времени, въ которомъ теряется для насъ жизнь людей, разрѣшеніе столь трудное, что мы ничего подобнаго сдѣлать не можемъ,—это-то разрѣшеніе мы легкомысленно разрушаемъ съ тѣмъ, чтобы поставить опять тотъ вопросъ, который присущъ всякому и на который у насъ нѣтъ отвѣта.

Понятіе безконечнаго бога, божественности души, связи дѣлъ людскихъ съ богомъ, единства, сущности души, человѣческаго понятія нравственнаго добра и зла—суть понятія, выработанныя въ скрывающейся безконечности мысли человѣческой, суть тѣ понятія, безъ которыхъ не было бы жизни и меня самого, а я отринувъ всю эту работу всего человѣчества, хочу все самъ сдѣлать по новому и по своему.

Я не такъ думалъ тогда, но зародыши этихъ мыслей уже были во мнѣ. Я понималъ, 1) что мое положеніе съ Шопенгауеромъ и Соломономъ, не смотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаемъ, что жизнь есть зло, и все-таки живемъ. Это явно глупо, потому что, если жизнь глупа,—а я такъ люблю все разумное,—то надо уничтожить жизнь и некому будетъ отрицать ее. 2) Я понималъ, что всѣ наши разсужденія

вертятся въ заколдованномъ кругѣ, какъ колесо, не цѣпляющееся за шестерню. Сколько бы и какъ бы хорошо мы ни разсуждали, мы не можемъ получить отвѣта на вопросъ и всегда будетъ о=о, и что потому путь нашъ, вѣроятно, ошибоченъ. 3) Я начиналъ понимать, что въ отвѣтахъ, даваемыхъ вѣрою, хранится глубочайшая мудрость человѣчества, и что я не имѣлъ права отрицать ихъ на основаніи разума, и что главные отвѣты эти одни отвѣчаютъ на вопросъ жизни.

X.

Я понималъ это, но отъ этого мнѣ было не легче.

Я готовъ былъ принять теперь всякую вѣру, только бы она не требовала отъ меня прямого отрицанія разума, которое было бы ложью. И я изучалъ и буддизмъ, и магометанство по книгамъ, и болѣе всего христіанство и по книгамъ, и по живымъ людямъ, окружавшимъ меня.

Я естественно обратился прежде всего къ вѣрующимъ людямъ моего круга, къ людямъ ученымъ, къ православнымъ богословамъ, къ монахамъ-старцамъ, къ православнымъ богословамъ новаго оттѣнка и даже къ такъ называемымъ новымъ христіанамъ, исповѣдующимъ спасеніе вѣрою въ искупленіе. И я ухватился за этихъ вѣрующихъ и допрашивалъ ихъ о томъ, какъ они вѣрятъ и въ чемъ видятъ смыслъ жизни.

Не смотря на то, что я дѣлалъ всевозможныя уступки, избѣгалъ всякихъ споровъ, я не могъ принять вѣры этихъ людей,—я видѣлъ, что то, что выдавали они за вѣру, не было объясненіе, а затемненіе смысла жизни, и что сами они утверждали свою вѣру не для того, чтобъ отвѣтить на тотъ вопросъ жизни, который привелъ меня къ вѣрѣ, а для какихъ-то другихъ, чуждыхъ мнѣ цѣлей.

Помню мучительное чувство ужаса возвращенія къ прежнему отчаянію послѣ надежды, которую я испытывалъ много и много разъ въ сношеніяхъ съ этими людьми.

Чѣмъ больше, подробнѣе они излагали мнѣ свои вѣроученія, тѣмъ яснѣе я видѣлъ ихъ заблужденіе и потерю моей надежды найти въ ихъ вѣрѣ объясненія смысла жизни.

Не то, что въ изложеніи своего вѣроученія они примѣшивали къ всегда бывшимъ мнѣ близкими христіанскимъ истинамъ еще много ненужныхъ и неразумныхъ вещей,—не это оттолкнуло меня; но меня оттолкнуло то, что жизнь

этихъ людей была та же, какъ и моя, съ тою только разницей, что она не соотвѣтствовала тѣмъ самымъ началамъ, которыя они излагали въ своемъ вѣроученіи. Я ясно чувствовалъ, что они обманываютъ себя, и что у нихъ также, какъ у меня, нѣтъ другого смысла жизни какъ того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что можетъ взять рука. Я видѣлъ это потому, что если-бъ у нихъ былъ тотъ смыслъ, при которомъ уничтожается страхъ лишеній, страданій и смерти, то они бы не боялись ихъ. А они, эти вѣрующіе нашего круга, точно такъ же, какъ и я, жили въ достаткѣ и избыткѣ, старались увеличить или сохранить его, боялись лишеній, страданій смерти, и такъ-же, какъ я и всѣ мы, невѣрующіе, жили—удовлетворяя похотямъ, жили такъ же дурно, если не хуже, чѣмъ невѣрующіе.

Никакія разсужденія не могли убѣдить меня въ истинности ихъ вѣры. Только такія дѣйствія, которыя бы показывали, что у нихъ есть смыслъ жизни такой, при которомъ страшныя мнѣ нищета, болѣзнь, смерть—не страшны имъ, могли бы убѣдить меня. А такихъ дѣйствій я не видѣлъ между этими разнообразными вѣрующими нашего круга. Я видѣлъ такія дѣйствія, напротивъ, между людьми нашего круга самыми невѣрующими, но никогда между такъ называемыми вѣрующими нашего круга.

И я понялъ, что вѣра этихъ людей—не та вѣра, которой я искалъ, что ихъ вѣра не есть вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ утѣшеній жизни. Я понялъ, что вѣра эта годится, можетъ быть, хоть не для утѣшенія, а для нѣкотораго разсѣянія раскаявающемуся Соломону на смертномъ одрѣ, но она не можетъ годиться для огромнаго большинства человѣчества, которое призвано не потѣшаться, пользуясь трудами другихъ, а творить жизнь. Для того, чтобы все человѣчество могло жить, для того, чтобъ оно продолжало жизнь, придавая ей смыслъ,—у нихъ, у этихъ милліардовъ, должно быть другое, настоящее знаніе вѣры. Вѣдь не то, что мы съ Соломономъ и Шопенгауеромъ не убили себя, не это убѣдило меня въ существованіи вѣры, а то, что жили эти милліарды и живутъ и насъ съ Соломонами вынесли на своихъ волнахъ жизни.

И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, съ странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было тоже христіанское, какъ вѣроученіе мнимо-вѣрующихъ

изъ нашего круга. Къ истинамъ христіанскимъ примѣшано было тоже очень много суевѣрій, но разница была въ томъ, что суевѣрія вѣрующихъ нашего круга были совсѣмъ не нужны имъ, не вязались съ ихъ жизнью, были только своего рода эпикурейскою потѣхой; суевѣрія же вѣрующихъ изъ трудового народа были до такой степени связаны съ ихъ жизнью, что нельзя было себѣ представить ихъ жизни безъ этихъ суевѣрій,—они были необходимымъ условіемъ этой жизни. Вся жизнь вѣрующихъ нашего круга была противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ, а вся жизнь людей вѣрующихъ и трудящихся была подтвержденіемъ того смысла жизни, который давало знаніе вѣры. И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованія этихъ людей, и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и она одна даетъ имъ смыслъ и возможность жизни. Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ 1000 едва ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва ли одинъ невѣрующій на тысячи. Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью, я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходила въ тяжеломъ трудѣ и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія, противленія, а съ спокойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это должно быть и не можетъ быть иначе, что все это—добро. Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ и даже часто съ радостью. Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругѣ,—смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа. И такихъ людей, лишенныхъ всего того, что для насъ съ Соломономъ есть единственное благо жизни, и испытывающихъ при этомъ величайшее счастье, многое множество. Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ

такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, трехъ, десять, а сотни, тысячи, милліоны. И всѣ они безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро.

И я полюбилъ этихъ людей. Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, живыхъ людей и жизнь умершихъ людей, про которыхъ я читалъ и слышалъ, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусства—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ придаваемый этой жизни есть истина и я принялъ его.

XI.

И вспомнивъ то, какъ тѣ же самыя вѣрованія отталкивали меня и казались безсмысленными, когда ихъ исповѣдывали люди, жившіе противно этимъ вѣрованіямъ, и какъ эти же самыя вѣрованія привлекли меня и показались мнѣ разумными, когда я видѣлъ, что люди живутъ ими,—я понялъ, почему я тогда откинулъ эти вѣрованія и почему нашелъ ихъ безсмысленными тогда, а теперь принялъ ихъ и нашелъ полными смысла. Я понялъ, что я заблудился, и какъ я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслилъ, сколько оттого, что я жилъ дурно. Я понялъ, что истину закрыло отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, удовлетворенія похотямъ, въ которыхъ я провелъ ее. Я понялъ, что мой вопросъ о томъ, что есть моя жизнь, и отвѣтъ: зло,—былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся только ко мнѣ, я отнесъ къ жизни вообще: я спро-

силъ себя, что такое моя жизнь и получилъ отвѣтъ: зло и безсмыслица. И точно, моя жизнь—жизнь потворства, похоти—была безсмысленна и зла и потому отвѣтъ: „жизнь зла и безсмысленна“—относился только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще. Я понялъ ту истину, впослѣдствіи найденную мною въ евангеліи, что люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому, что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличить дѣла его. Я понялъ, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, надо, прежде всего, чтобы жизнь была не безсмысленна и зла, а потомъ уже— разумъ для того, чтобы понять ее. Я понялъ, почему я такъ долго ходилъ около такой очевидной истины и что если думать и говорить о жизни человѣчества, то надо говорить и думать о жизни человѣчества, а не о жизни нѣсколькихъ паразитовъ жизни. Истина эта была всегда истина, какъ 2×2=4, но я не признавалъ ее, потому что признавъ 2×2=4, я уже долженъ былъ признать то, что я нехорошъ. А чувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ 2×2=4. Я полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ себя, и я призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало.

Что, если бы палачъ, проводящій жизнь въ пыткахъ и отсѣченіи головъ, или мертвый пьяница, или сумасшедшій, засѣвшій на всю жизнь въ темную комнату, огадившій эту свою комнату и воображающій, что онъ погибнетъ, если выйдетъ изъ нея,—что если-бъ онъ спросилъ себя: что такое жизнь?—Очевидно, онъ не могъ бы получить на вопросъ: что такое жизнь?—другого отвѣта, какъ тотъ, что жизнь есть величайшее зло, и отвѣтъ сумасшедшаго былъ бы совершенно правиленъ, но для него только. Что, какъ я такой же сумасшедшій? Что, какъ мы всѣ, богатые, досужіе люди, такіе же сумасшедшіе?..

И я понялъ, что мы дѣйствительно такіе сумасшедшіе. Я-то ужъ навѣрное былъ такой сумасшедшій. И въ самомъ дѣлѣ, птица существуетъ такъ, что она должна летать, собирать пищу, строить гнѣздо, и когда я вижу, что птица дѣлаетъ это, я радуюсь ея радостью. Коза, заяцъ, волкъ существуютъ такъ, что они должны кормиться, множиться, кормить свои семьи, и когда они дѣлаютъ это, у меня есть твердое сознаніе, что они счастливы и жизнь ихъ разумна. Что же долженъ дѣлать человѣкъ?—Онъ долженъ точно

такъ же добывать жизнь, какъ и животныя, но съ тою только разницей, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ,— ему надо добывать ее не для себя, а для всѣхъ. И когда онъ дѣлаетъ это, у меня есть твердое сознаніе, что онъ счастливъ и жизнь его разумна. Что же я дѣлалъ во всю мою тридцатилѣтнюю сознательную жизнь?—Я не только не добывалъ жизни для всѣхъ, а я для себя не добывалъ ее. Я жилъ паразитомъ, и спросивъ себя, зачѣмъ я живу,— получилъ отвѣтъ: ни зачѣмъ. Если смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, тридцать лѣтъ занимавшійся тѣмъ, чтобы не добывать жизни, а губить ее въ себѣ и другихъ, могъ получить другой отвѣтъ, какъ тотъ, что жизнь моя есть безсмыслица и зло?.. Она и была безсмыслица и зло.

Жизнь міра совершается по чьей-то волѣ,—кто-то этою жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Чтобъ имѣть надежду понять смыслъ этой воли, надо прежде всего исполнять ее, дѣлать то, чего отъ насъ хотятъ. А если я не буду дѣлать того, чего хотятъ отъ меня, то не пойму никогда и того, чего хотятъ отъ меня, а ужъ тѣмъ менѣе—чего хотятъ отъ всѣхъ насъ и отъ всего міра.

Если голаго, голоднаго нищаго взяли съ перекрестка, привели въ крытое мѣсто прекраснаго заведенія, накормили, напоили и заставили двигать вверхъ и внизъ какую-то палку, то очевидно, что прежде, чѣмъ разбирать, зачѣмъ его взяли, зачѣмъ двигать палкой, разумно ли устройство всего заведенія,—нищему прежде всего нужно двигать палкой. Если онъ будетъ двигать палкой, тогда онъ пойметъ, что палка эта движетъ насосъ, что насосъ накачиваетъ воду, что вода идетъ по грядкамъ; тогда его выведутъ изъ крытаго колодца и поставятъ на другое дѣло и онъ будетъ собирать плоды и войдетъ въ радость господина своего, и, переходя отъ низшаго дѣла къ высшему, все дальше и дальше понимая устройство всего заведенія и участвуя въ немъ, никогда и не подумаетъ спрашивать, зачѣмъ онъ здѣсь, и ужъ никакъ не станетъ упрекать хозяина.

Такъ и не упрекаютъ хозяина тѣ, которые дѣлаютъ его волю, люди простые, рабочіе, неученые,—тѣ, которыхъ мы считали скотами; а мы вотъ, мудрецы, ѣсть ѣдимъ все хозяйское, а дѣлать не дѣлаемъ того, чего отъ насъ хочетъ хозяинъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать, сѣли въ кружокъ и разсу-

ждаемъ: „зачѣмъ это двигать палкой? Вѣдь это глупо". Вотъ и додумались. Додумались до того, что хозяинъ глупъ, или его нѣтъ, а мы умны, только чувствуемъ, что никуда не годимся и надо намъ какъ-нибудь самимъ отъ себя избавиться.

XII.

Сознаніе ошибки разумнаго знанія помогло мнѣ освободиться отъ соблазна празднаго умствованія. Убѣжденіе въ томъ, что знаніе истины можно найти только жизнью, побудило меня усомниться въ правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успѣлъ вырваться изъ своей исключительности и увидать жизнь настоящую простого рабочаго народа и понять, что это только есть настоящая жизнь. Я понялъ, что если хочу понять жизнь и смыслъ ея, мнѣ надо жить не жизнью паразита, а настоящею жизнью, и, принявъ тотъ смыслъ, который придаетъ ей настоящее человѣчество, слившись съ этою жизнью, провѣрить его.

Въ это же время со мной случилось слѣдующее. Во все продолженіе этого года, когда я почти всякую минуту спрашивалъ себя: не кончить ли петлей или пулей,—во все это время, рядомъ съ тѣми ходами мыслей и наблюденій, о которыхъ я говорилъ, сердце мое томилось мучительнымъ чувствомъ. Чувство это я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ бога.

Я говорю, что это исканіе бога было не разсужденіе, но чувство, потому что это исканіе вытекало не изъ моего хода мыслей,—оно было даже прямо противуположно имъ,—но оно вытекало изъ сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь.

Несмотря на то, что я вполнѣ былъ убѣжденъ въ невозможности доказательства бытія божія: Кантъ доказалъ мнѣ и я вполнѣ понялъ его, что доказать этого нельзя,—я все таки искалъ бога, надѣясь на то, что я найду его, и обращался по старой привычкѣ съ мольбой къ тому, чего я искалъ и не находилъ. То я повторялъ въ умѣ доводы Канта и Шопенгауера о невозможности доказательства бытія божія, то я начиналъ провѣрять эти доводы и опровергать ихъ. Причина, говорилъ я себѣ, не есть такая же категорія мышленія, какъ пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина, и причина причинъ. И эта причина всего

есть то, что называютъ богомъ. И я останавливался на этой мысли и старался всѣмъ существомъ сознать присутствіе этой причины. И какъ только я сознавалъ, что есть сила, во власти которой я нахожусь, такъ тотчасъ же я чувствовалъ возможность жизни. Но я спрашивалъ себя: „Что же такое эта причина, эта сила? Какъ мнѣ думать о ней, какъ мнѣ относиться къ тому, что я называю богомъ?“—И только знакомые мнѣ отвѣты приходили мнѣ въ голову: „Онъ—творецъ, промыслитель“. Отвѣты эти не удовлетворяли меня. И я чувствовалъ, что пропадаетъ во мнѣ то, что мнѣ нужно для жизни. Я приходилъ въ ужасъ и началъ молиться тому, котораго я искалъ, о томъ, чтобъ онъ помогъ мнѣ. И чѣмъ больше я молился, тѣмъ очевиднѣе мнѣ было, что онъ не слышитъ меня, что нѣтъ никого такого, къ которому бы можно было обращаться. И, съ отчаяніемъ въ сердцѣ о томъ, что нѣтъ и нѣтъ бога, я говорилъ: „Господи, помилуй, спаси меня! Господи, научи меня, богъ мой!“ Но никто не миловалъ меня и я чувствовалъ, что жизнь моя останавливается.

Но опять и опять съ разныхъ другихъ сторонъ я приходилъ къ тому же признанію того, что не могъ же я безъ всякаго повода, причины и смысла явиться на свѣтъ, что не могу я быть такимъ выпавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, какимъ я себя чувствовалъ. Пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пищу въ высокой травѣ, но я пищу оттого, что знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросилъ? Не могу я скрыть отъ себя, что любя родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то?—Опять богъ.

Онъ знаетъ и видитъ мои исканія, отчаяніе, борьбу. „Онъ есть“, говорилъ я себѣ. И стоило мнѣ на мгновеніе признать это, какъ тотчасъ же жизнь поднималась во мнѣ и я чувствовалъ и возможность, и радость бытія. Но опять отъ признанія существованія бога я переходилъ къ отыскиванію отношенія къ нему, и опять мнѣ представлялся тотъ богъ, нашъ творецъ въ трехъ лицахъ, приславшій сына-искупителя. И опять этотъ отдѣльный отъ міра, отъ меня, богъ, какъ льдина таялъ, таялъ на моихъ глазахъ, и опять ничего не оставалось, и опять изсыхалъ источникъ жизни; я приходилъ въ отчаяніе и чувствовалъ, что мнѣ нечего сдѣлать другого, какъ убить себя. И, что было хуже всего, я чувствовалъ, что и этого я не могу сдѣлать.

Не два, не три раза, а десятки, сотни разъ приходилъ я въ эти положенія то радости и оживленія, то опять отчаянія и сознанія невозможности жизни.

Помню, это было раннею весной, я одинъ былъ въ лѣсу, прислушиваясь къ звукамъ лѣса. Я прислушивался и думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно думалъ все объ одномъ и томъ же эти послѣдніе три года. Я опять искалъ бога.

„Хорошо, нѣтъ никакого бога,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ такого, который бы былъ не мое представленіе, но дѣйствительность такая же, какъ вся моя жизнь,—нѣтъ такого. И ничто, никакія чудеса не могутъ доказать такого, потому что чудеса будутъ мое представленіе, да еще неразумное.

„Но понятіе мое о богѣ, о томъ, котораго я ищу? — спрашивалъ я себя.—Понятіе-то откуда взялось?" И опять при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ. Но радость моя продолжалась не долго. Умъ продолжалъ свою работу.

„Понятіе бога—не богъ,—сказалъ я себѣ.—Понятіе есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о богѣ есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о богѣ есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить въ себѣ. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, безъ чего бы не могла быть жизнь". И опять все стало умирать вокругъ меня и во мнѣ, и мнѣ опять захотѣлось убить себя.

Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я напомнилъ себѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о богѣ, и я оживу; стоитъ забывать, не вѣрить въ него, и я умираю.

Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе бога, вѣдь я бы ужъ давно убилъ себя, еслибъ у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще?— вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ. Онъ—то, безъ чего нельзя жить. Знать бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

Живи, отыскивая бога, и тогда не будетъ жизни безъ бога. И сильнѣе чѣмъ когда-нибудь все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня.

И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился

во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно, постепенно уничтожилась во мнѣ сила жизни и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая,—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни.

Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ ту волю, которая произвела меня и чего-то хочетъ отъ меня; я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласнѣе съ этой волей; я вернулся къ тому, что выраженіе этой воли я могу найти въ томъ, что въ скрывающейся отъ меня дали выработало для руководства своего все человѣчество, т. е. я вернулся къ вѣрѣ въ бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передавшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить.

Со мной случилось какъ будто вотъ что: я не помню, какъ меня посадили въ лодку, оттолкнули отъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ берега, указали направленіе къ другому берегу, дали въ неопытныя руки весла и оставили одного. Я работалъ, какъ умѣлъ, веслами и плылъ; но чѣмъ дальше я выплывалъ на середину, тѣмъ быстрѣе становилось теченіе, относившее меня прочь отъ цѣли, и тѣмъ чаще и чаще мнѣ встрѣчались пловцы, такіе же, какъ я, уносимые теченіемъ. Были одинокіе пловцы, продолжавшіе грести, были пловцы, побросавшіе весла, были большія лодки, огромные корабли, полные народомъ; одни бились съ теченіемъ, другіе—отдавались ему. И чѣмъ дальше я плылъ, тѣмъ больше, глядя на направленіе внизъ, по потоку всѣхъ плывущихъ я забывалъ данное мнѣ направленіе. На самой серединѣ потока, въ тѣснотѣ лодокъ и кораблей, несущихся внизъ, я уже совсѣмъ потерялъ направленіе и бросилъ весла. Со всѣхъ сторонъ съ веселіемъ и ликованьемъ вокругъ меня неслись на парусахъ и на веслахъ пловцы внизъ по теченію, увѣряя меня и другъ друга, что и не можетъ быть другого направленія. И я повѣрилъ имъ и поплылъ съ ними. И меня далеко отнесло, такъ далеко, что я услыхалъ шумъ пороговъ, въ которыхъ я долженъ былъ раз-

биться, и увидалъ лодки, разбившіяся въ нихъ. И я опомнился. Долго я не могъ понять, что со мной случилось. Я видѣлъ передъ собой одну погибель, къ которой я бѣжалъ и которой боялся, нигдѣ не видѣлъ спасенія и не зналъ, что мнѣ дѣлать; но, оглянувшись назадъ, я увидѣлъ безчисленныя лодки, которыя, не переставая, упорно перебивали теченіе, вспомнилъ о берегѣ, о веслахъ и направленіи, и сталъ выгребать назадъ вверхъ по теченію и къ берегу.

Берегъ это былъ богъ, направленіе это было преданіе, весла это была данная мнѣ свобода выгрестись къ берегу—соединиться съ богомъ.

XIII.

Итакъ, сила жизни возобновилась во мнѣ и я опять началъ жить.

Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудящагося народа,—того, который дѣлаетъ жизнь и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ, если его можно выразить, былъ слѣдующій. Всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ бога. И богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни—спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ. Смыслъ этотъ народъ черпаетъ изъ всего вѣроученія, переданнаго и передаваемаго ему пастырями и преданіями, живущими въ народѣ. Смыслъ этотъ былъ мнѣ ясенъ и близокъ моему сердцу. Но съ этимъ смысломъ народной вѣры неразрывно связано у нашего нераскольничьяго люда, среди котораго я жилъ, много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимымъ: таинства, церковныя службы, посты, поклоненіе мощамъ и иконамъ. Отдѣлить одно отъ другого народъ не можетъ, не могъ и я. Какъ ни странно мнѣ было

многое изъ того, что входило въ вѣру народа, я принялъ все, ходилъ къ службамъ, становился утромъ и вечеромъ на молитву, постился, говѣлъ и первое время разумъ мой не противился ничему. То самое, что прежде казалось мнѣ невозможнымъ, теперь не возбуждало во мнѣ противленія.

Отношеніе мое къ вѣрѣ теперь и тогда было совершенно различное. Прежде сама жизнь казалась мнѣ исполненной смысла и вѣра представлялась произвольнымъ утвержденіемъ какихъ-то совершенно ненужныхъ мнѣ неразумныхъ и не связанныхъ съ жизнью положеній. Я спросилъ себя тогда, какой смыслъ имѣютъ эти положенія, и, убѣдившись, что они не имѣютъ его, откинулъ ихъ. Теперь же, напротивъ, я твердо зналъ, что жизнь моя не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла, и положенія вѣры не только не представлялись мнѣ ненужными, но я несомнѣннымъ опытомъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что только эти положенія вѣры даютъ смыслъ жизни. Прежде я смотрѣлъ на нихъ, какъ на совершенно ненужную тараборскую грамоту; теперь же, если я не понималъ ихъ, то зналъ, что въ нихъ смыслъ, и говорилъ себѣ, что надо учиться понимать ихъ. Я дѣлалъ слѣдующее разсужденіе, я говорилъ себѣ: знаніе вѣры вытекаетъ, какъ все человѣчество съ его разумомъ, изъ таинственнаго начала. Это начало есть богъ, начало и тѣла человѣческаго, и его разума. Какъ преемственно отъ бога дошло до меня мое тѣло, какъ дошли до меня мой разумъ и мое постигновеніе жизни, и потому всѣ тѣ ступени развитія этого постигновенія жизни не могутъ быть ложны. Все то, во что истинно вѣрятъ люди, должно быть истина; она можетъ быть различно выражаема, но ложью она не можетъ быть, и потому если она мнѣ представляется ложью, то это значитъ только то, что я не понимаю ее. Кромѣ того, я говорилъ себѣ: сущность всякой вѣры состоитъ въ томъ, что она придаетъ жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью. Естественно, что для того, чтобы вѣра могла отвѣчать на вопросъ умирающаго въ роскоши царя, замученнаго работами старика раба, несмышленнаго ребенка, мудраго старца, полоумной старушки, молодой счастливой женщины, мятущагося страстями юноши, всѣхъ людей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни и образованія,— естественно, если есть одинъ отвѣтъ, отвѣчающій на вѣчный одинъ вопросъ жизни: „зачѣмъ я живу, что выйдетъ изъ моей жизни,“ — то отвѣтъ этотъ, хотя единый по существу

своему, долженъ быть безконечно разнообразенъ въ своихъ проявленіяхъ, и чѣмъ единѣе, тѣмъ истиннѣе, глубже этотъ отвѣтъ, тѣмъ, естественно, страннѣе и уродливѣе онъ долженъ являться въ своихъ попыткахъ выраженія, сообразно образованію и положенію каждаго. Но разсужденія эти, оправдывавшія для меня странность обрядовой стороны вѣры, были все-таки недостаточны для того, чтобъ я самъ въ томъ единственномъ для меня дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, позволилъ бы себѣ дѣлать поступки, въ которыхъ бы я сомнѣвался. Я желалъ всѣми силами души быть въ состояніи слиться съ народомъ, исполняя обрядовую сторону его вѣры; но я не могъ этого сдѣлать. Я чувствовалъ, что я лгалъ бы передъ собой, насмѣялся бы надъ тѣмъ, что для меня свято, еслибъ я дѣлалъ это. Но тутъ мнѣ на помощь явились наши русскія богословскія сочиненія.

По объясненію этихъ богослововъ основной догматъ вѣры есть непогрѣшимая церковь. Изъ признанія этого догмата вытекаетъ, какъ необходимое послѣдствіе, истинность всего исповѣдуемаго церковью. Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, соединенныхъ любовью и потому имѣющихъ истинное знаніе, сдѣлалась основой моей вѣры. Я говорилъ себѣ, что божеская истина не можетъ быть доступна одному человѣку,— она открывается только всей совокупности людей, соединенныхъ любовью. Для того, чтобы постигнуть истину, надо не раздѣляться; а для того, чтобы не раздѣляться, надо любить и примириться съ тѣмъ, съ чѣмъ несогласенъ. Истина откроется любви, и потому, если ты не подчиняешься обрядамъ церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину. Я не видалъ тогда софизма, находящагося въ этомъ разсужденіи. Я не видалъ тогда того, что единое въ любви можетъ дать величайшую любовь, но никакъ не божественную истину, выраженную опредѣленными словами въ Никейскомъ Символѣ, не видалъ и того, что любви никакъ не можетъ сдѣлать извѣстное выраженіе истины обязательнымъ для единенія. Я не видалъ тогда ошибки этого разсужденія и, благодаря ему, получилъ возможность принять и исполнять всѣ обряды православной церкви, не понимая большую часть ихъ. Я старался тогда всѣми силами души избѣгать всякихъ разсужденій, противорѣчій, и пытался объяснять, сколько возможно разумно, тѣ положенія церковныя, съ которыми я сталкивался.

Исполняя обряды церкви, я смирялъ свой разумъ и под-

чинялъ себя тому преданію, которое имѣло все человѣчество. Я соединился съ предками моими, съ любимыми мною—отцомъ, матерью, дѣдами, бабками. Они и всѣ прежніе вѣрили и жили и меня произвели. Я соединился и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. Кромѣ того, самыя дѣйствія эти не имѣли въ себѣ ничего дурного (дурныя я считалъ потворство похотямъ). Вставая рано къ церковной службѣ, я зналъ, что дѣлалъ хорошо, уже только потому, что, для смиренія своей гордости ума, для сближенія съ моими предками и современниками, для того, чтобы, во имя исканія смысла жизни, я жертвовалъ своимъ тѣлеснымъ спокойствіемъ. Тоже было при говѣніи, при ежедневномъ чтеніи молитвъ съ поклонами, тоже при соблюденіи всѣхъ постовъ. Какъ ни ничтожны были эти жертвы, эти жертвы были во имя хорошаго. Я говѣлъ, постился, соблюдалъ временныя молитвы дома и въ церкви. Въ слушаніи службы церковной я вникалъ въ каждое слово и придавалъ имъ смыслъ, когда могъ. Въ обѣднѣ самыя важныя слова для меня были: „возлюбимъ другъ друга да единомысліемъ“. Дальнѣйшія слова: „едино исповѣдуемъ отца и сына и святого духа“—я пропускалъ, потому что не могъ понять ихъ.

XIV.

Мнѣ такъ необходимо было тогда вѣрить, чтобы жить, что я безсознательно скрывалъ отъ себя противорѣчія и неясности вѣроученія. Но это осмысливаніе обрядовъ имѣло предѣлъ. Если эктенія все яснѣе и яснѣе становилась для меня въ главныхъ своихъ словахъ, если я объяснялъ себѣ кое-какъ слова: „и владычицу нашу пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ помянувши“, „и сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“,—если я объяснялъ частое повтореніе молитвъ о царѣ и его родныхъ тѣмъ, что они болѣе подлежатъ искушенію, чѣмъ другіе, и потому болѣе требуютъ молитвъ, то молитвы о покореніи подъ ноги имъ враговъ и супостата, если я ихъ объяснилъ тѣмъ, что врагъ есть зло,—молитвы эти и другія, какъ херувимская и все таинство проскомидіи или „возбранной воеводѣ“ и т. п., почти двѣ трети всѣхъ службъ — или вовсе не имѣли объясненій, или я чувствовалъ, что я, подводя имъ объясненія, лгу, и тѣмъ совсѣмъ разрушаю свое

отношеніе къ богу, теряя совершенно всякую возможность вѣры.

То же я испытывалъ при празднованіи главныхъ праздниковъ. Помнить день субботній, т. е. посвятить одинъ день на обращеніе къ богу, мнѣ было понятно. Но главный праздникъ былъ воспоминаніе о событіи воскресенія, дѣйствительность котораго я не могъ себѣ представить и понять. И этимъ именемъ воскресенія назывался еженедѣльно празднуемый день. И въ эти дни совершалось таинство евхаристіи, которое было мнѣ совершенно непонятно. Остальные всѣ двѣнадцать праздниковъ, кромѣ Рождества, были воспоминанія о чудесахъ, о томъ, о чемъ я старался не думать, чтобы не отрицать: Вознесеніе, Пятидесятница, Богоявленіе, Покровъ и т. д. При празднованіи этихъ праздниковъ чувствуя, что приписывается важность тому самому, что для меня составляетъ самую обратную важность, я или придумывалъ успокоивавшія меня объясненія, или закрывалъ глаза, чтобы не видать того, что соблазняетъ меня.

Сильнѣе всего это происходило со мною при участіи въ самыхъ обычныхъ таинствахъ, считавшихся самыми важными: крещеніи и причастіи. Тутъ не только я сталкивался съ не то что непонятными, но вполнѣ понятными дѣйствіями: дѣйствія эти казались мнѣ соблазнительными, и я былъ поставленъ въ дилему—или лгать, или отбросить.

Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила—все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Самое причастіе я объяснилъ себѣ какъ дѣйствіе, совершаемое въ воспоминаніе Христа и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспринятіе ученія Христа. Если это объясненіе и было искусственно, то я не замѣчалъ его искусственности. Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь передъ духовникомъ, простымъ, робкимъ священникомъ, выворачивать всю грязь своей души, каясь въ своихъ порокахъ, такъ радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ отцовъ, писавшихъ молитвы правилъ, такъ радостно было единеніе со всѣми вѣровавшими и вѣрующими, что я и не чувствовалъ искусственности моего объясненія. Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторять то, что я вѣрю, что то, что я буду глотать, есть истинное

тѣло и кровь, меня рѣзнуло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это—жестокое требованіе кого-то такого, который, очевидно, никогда и не зналъ, что такое вѣра.

Но я теперь позволю себѣ говорить, что это было жестокое требованіе, тогда же я и не подумалъ этого,—мнѣ только было невыразимо больно. Я ужъ не былъ въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ въ молодости, думая, что въ жизни все ясно; я пришелъ вѣдь къ вѣрѣ потому, что помимо вѣры я ничего, навѣрное ничего, не нашелъ, кромѣ, погибели, потому откидывать эту вѣру нельзя было, и я покорился. И я нашелъ въ своей душѣ чувство, которое помогло мнѣ перенести это. Это было чувство самоуниженія и смиренія. Я смирился, проглотилъ эту кровь и тѣло безъ кощунственныхъ чувствъ, съ желаніемъ повѣрить, но ударъ уже былъ нанесенъ. И зная впередъ, что ожидаетъ меня, я уже не могъ итти въ другой разъ.

Я продолжалъ точно также исполнять обряды церкви и все еще вѣрилъ, что въ томъ вѣроученіи, которому я слѣдовалъ, была истина, и со мною происходило то, что теперь мнѣ ясно, но тогда казалось страннымъ.

Слушалъ я разговоръ безграмотнаго мужика, странника, о богѣ, о вѣрѣ, о жизни, о спасеніи, и знаніе вѣры открывалось мнѣ. Сближался я съ народомъ, слушая сужденія его о жизни, и вѣрѣ, и я все больше и больше понималъ истину. То же было со мною при чтеніи Четьи-Минеи и Прологовъ: это стало любимымъ моимъ чтеніемъ. Исключая чудеса, смотря на нихъ, какъ на фабулу, выражающую мысль, чтеніе это открывало мнѣ смыслъ жизни. Тамъ были житія Макарія великаго, Іоасафа царевича (исторія Будды), тамъ были слова Іоанна Златоуста, слова о путникѣ въ колодцѣ, о монахѣ, нашедшемъ золото, о Петрѣ мытарѣ; тамъ—исторія мучениковъ, всѣхъ заявлявшихъ одно, что смерть не исключаетъ жизни; тамъ—исторія о спасшихся безграмотныхъ, глупыхъ и не знающихъ ничего объ ученіяхъ церкви.

Но стоило мнѣ сойтись съ учеными вѣрующими, или взять ихъ книги, какое-то сомнѣніе въ себѣ, недовольство, озлобленіе снова возникали во мнѣ, и я чувствовалъ, что я чѣмъ больше вникаю въ ихъ рѣчи, тѣмъ больше отдаляюсь отъ истины и иду къ пропасти.

XV.

Сколько разъ я завидовалъ мужикамъ за ихъ безграмотность и неученость. Изъ тѣхъ положеній вѣры, изъ которыхъ для меня выходили явныя безсмыслицы, для нихъ не выходило ничего ложнаго; они могли принимать ихъ и могли вѣрить въ истину,—въ ту истину, въ которую и я вѣрилъ. Только для меня, несчастнаго, ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена съ ложью и что я не могъ принять ее въ такомъ видѣ.

Такъ я жилъ года три и первое время, когда я, какъ оглашенный, только понемногу пріобщался къ истинѣ, только руководимый чутьемъ шелъ туда, гдѣ мнѣ казалось свѣтлѣе, эти столкновенія менѣе поражали меня. Когда я не понималъ чего-нибудь, я говорилъ себѣ. „я виноватъ, я дуренъ". Но чѣмъ больше я сталъ проникаться тѣми истинами, которымъ я учился, чѣмъ больше они становились основой жизни, тѣмъ тяжелѣе, разительнѣе стали эти столкновенія и тѣмъ рѣзче становилась та черта, которая есть между тѣмъ, чего я не понимаю, потому что не умѣю понимать, и тѣмъ, чего нельзя понять иначе, какъ солгавъ передъ самимъ собою.

Несмотря на эти сомнѣнія и страданія я еще держался православія. Но явились вопросы жизни, которые надо было разрѣшить, и тутъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ церковью— противны самымъ основамъ той вѣры, которою я жилъ— окончательно заставило меня отречься отъ возможности общенія съ православіемъ. Вопросы эти были, во-первыхъ, отношеніе церкви православной къ другимъ церквамъ—къ католичеству и къ такъ называемымъ раскольникамъ. Въ это время вслѣдствіе моего интереса къ вѣрѣ я сближался съ вѣрующими разныхъ исповѣданій: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и др. И много я встрѣчалъ изъ нихъ людей нравственно высокихъ и истинно вѣрующихъ. Я желалъ быть братомъ этихъ людей. И что же? — То ученіе, которое обѣщало мнѣ соединить всѣхъ единою вѣрою и любовью, это самое ученіе въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей сказало мнѣ, что это все люди, находящіеся во лжи, что то, что даетъ имъ силу жизни, есть искушеніе дьявола, что мы одни въ обладаніи единой возможной истины. И я увидалъ, что всѣхъ не исповѣдую-

щихъ одинаково съ ними вѣру православные считаютъ еретиками точь-въ-точь такъ же, какъ католики и другіе считаютъ православіе еретичествомъ; я увидалъ, что ко всѣмъ не исповѣдующимъ внѣшними символами и словами свою вѣру такъ же, какъ православіе,—православіе хотя и пытается скрыть это, относится враждебно, какъ оно и должно быть, во-первыхъ, потому, что утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому, и, во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, любящій дѣтей и братьевъ своихъ, не можетъ не относиться враждебно къ людямъ, желающимъ обратить его дѣтей и братьевъ въ вѣру ложную. И враждебность эта усиливается по мѣрѣ большаго знанія вѣроученія. И мнѣ, полагавшему истину въ единеніи любви, невольно бросилось въ глаза то, что самое вѣроученіе разрушаетъ то, что оно должно произвести.

Соблазнъ этотъ до такой степени очевиденъ, до такой степени намъ, образованнымъ людямъ, живавшимъ въ странахъ, гдѣ исповѣдуются разныя вѣры, и видавшимъ то презрительное, самоувѣренное, непоколебимое отрицаніе, съ которымъ относится католикъ къ православному и протестанту, православный къ католику и протестанту и протестантъ къ обоимъ, и такое же отношеніе старообрядца-пашковца, шекера, и всѣхъ вѣръ, что самая очевидность соблазна въ первое время озадачиваетъ. Говоришь себѣ: да не можетъ же быть, чтобъ это было такъ просто и все-таки люди не видали бы того, что если два утвержденія другъ друга отрицаютъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою должна быть вѣра. Что-нибудь тутъ есть. Есть какое-нибудь объясненіе, — я и думалъ, что есть, и отыскивалъ это объясненіе, и читалъ, что могъ, по этому предмету, и совѣтовался со всѣми, съ кѣмъ могъ. И не получалъ никакого объясненія, кромѣ того же самаго, по которому сумскіе гусары считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ сумскій гусарскій, а желтые уланы считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ—это желтые уланы. Духовныя лица всѣхъ разныхъ исповѣданій, лучшіе представители изъ нихъ, ничего не сказали мнѣ, какъ только то, что они вѣрятъ, что они въ истинѣ, а тѣ въ заблужденіи, и что все, что они могутъ, это молиться о нихъ. Я ѣздилъ къ архимандритамъ, архіереямъ, старцамъ, схимникамъ и спрашивалъ, и никто никакой попытки не съумѣлъ объяснить мнѣ этотъ соблазнъ.

Одинъ только изъ нихъ разъяснилъ мнѣ все, но разъяснилъ все такъ, что я ужъ больше ни у кого не спрашивалъ.

Я говорилъ о томъ, что для всякаго невѣрующаго, обращающагося къ вѣрѣ (а подлежитъ этому обращенію все наше молодое поколѣніе), этотъ вопросъ представляется первымъ: почему истина не въ лютеранствѣ, не въ католицизмѣ, а въ православіи. Его учатъ въ гимназіи и ему нельзя не знать, какъ этого не знаетъ мужикъ, что протестантъ, католикъ такъ же точно утверждаютъ единую истинность своей вѣры. Историческія доказательства, подбираемыя каждымъ исповѣданіемъ въ свою сторону, недостаточны. Нельзя ли,— говорилъ я, выше понимать ученіе, такъ, чтобы съ высоты ученія исчезли бы различія, какъ они исчезаютъ для истинно вѣрующаго? Нельзя ли итти дальше по тому пути, по которому мы идемъ съ старообрядцами? Они утверждали, что крестъ, аллилуія и хожденіе вокругъ алтаря у насъ другіе. Мы сказали: вы вѣрите въ Никейскій Символъ, въ семь таинствъ и мы вѣримъ. Давайте же держаться этого, а въ остальномъ дѣлайте, какъ хотите. Мы соединились съ ними тѣмъ, что поставили существенное въ вѣрѣ выше несущественнаго. Теперь съ католиками нельзя ли сказать: вы вѣрите въ то-то и то-то, въ главное, а по отношенію Filioque и папы дѣлайте какъ хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантамъ, соединившись съ ними въ главномъ? Собесѣдникъ мой согласился съ моею мыслью, но сказалъ мнѣ, что такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а призваніе духовной власти—блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ.

И я все понялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И исполняя эти человѣческія дѣла, они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго,— для исполненія человѣческихъ дѣлъ нужно насиліе и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если два исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи, то, желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдовать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдуется неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ,

то церковь эта не можетъ ни сжечь книги, ни удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Что же дѣлать съ тѣмъ горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія вѣры, сектантомъ, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, соблазняетъ сыновъ церкви? Что же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову, или не запереть его? При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т. е. по времени прилагали тоже высшую мѣру наказанія, въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру,—запираютъ въ одиночное заключеніе. И я обратилъ вниманіе на то, что дѣлается во имя вѣроисповѣданія, и ужаснулся, и уже почти совсѣмъ отрекся отъ православія. Второе отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ было отношеніе ея къ войнѣ и казнямъ.

Въ это время случилась война въ Россіи. И русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ нельзя было. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры, нельзя было. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія, и учители вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но, во время тѣхъ смутъ, которыя послѣдовали за войной, я видѣлъ чиновъ церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійство заблудшихъ безпомощныхъ юношей. И я обратилъ вниманіе на все то, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся.

XVI.

И я пересталъ сомнѣваться, а убѣдился вполнѣ, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился, не все истина. Прежде я бы сказалъ, что все вѣроученіе—ложно, но теперь нельзя было этого сказать. Весь народъ имѣлъ знаніе истины, это было несомнѣнно, потому что иначе онъ бы не жилъ. Кромѣ того, это знаніе истины уже мнѣ было доступно, я уже жилъ имъ и чувствовалъ всю его правду; но въ этомъ же знаніи была и ложь. И въ этомъ я не могъ сомнѣваться. И все то, что прежде отталкивало меня, теперь живо предстало предо мною. Хоть я и видѣлъ то, что во всемъ народѣ меньше было той примѣси оттолкнувшей меня лжи, чѣмъ въ представителяхъ церкви,—я все таки видѣлъ, что и въ вѣрованіяхъ народа ложь примѣшана была къ истинѣ.

Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь и истина переданы тѣмъ, что называютъ церковью. И ложь и истина заключаются въ преданіи, въ такъ называемомъ, священномъ преданіи и писаніи.

И волей-неволей я приведенъ къ изученію, изслѣдованію этого писанія,—изслѣдованію, котораго я такъ боялся до сихъ поръ.

И я обратился къ изученію того самаго богословія, которое я когда-то съ такимъ презрѣніемъ откинулъ, какъ ненужное. Тогда оно казалось мнѣ рядомъ ненужныхъ безсмыслицъ, тогда со всѣхъ сторонъ окружали меня явленія жизни, казавшіяся мнѣ ясными и исполненными смысла; теперь же я бы и радъ откинуть то, что не лѣзетъ въ здоровую голову, но дѣваться некуда. На этомъ вѣроученіи зиждется, или, по крайней мѣрѣ, неразрывно связано съ нимъ, то единое знаніе смысла жизни, которое открывалось мнѣ. Какъ ни кажется оно мнѣ дико на мой старый, твердый умъ, это—одна надежда спасенія. Надо осторожно, внимательно разсмотрѣть его, для того, чтобы понять его,—даже и не то, что понять, какъ я понимаю положеніе науки: я этого не ищу и не могу искать, зная особенность знанія вѣры. Я не могу искать объясненія всего. Я знаю, что объясненіе всего должно скрываться, какъ начало всего, въ безконечности. Но я хочу понять такъ, чтобы быть приведеннымъ къ неизбѣжно-необъяснимому; я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требованія моего ума неправильны (они правильны и внѣ ихъ я ничего понять не могу), но потому, что я вижу предѣлы своего ума. Я хочу понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось мнѣ какъ необходимость разума же; а не какъ обязательство повѣрить.

Что въ ученіи есть истина, это мнѣ несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что въ немъ есть ложь, и я долженъ найти истину и ложь, отдѣлить одно отъ другого. И вотъ я приступаю къ этому, Что я нашелъ въ этомъ ученіи ложнаго, что я нашелъ истиннаго и къ какимъ выводамъ я пришелъ, составляетъ слѣдующія части сочиненія, которое, если оно того стоитъ и нужно кому-нибудь, вѣроятно, будетъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь напечатано.

1879 г.

Это было написано мною года три тому назадъ.

Теперь, пересматривая это, возвращаясь къ тому ходу

мысли и къ тѣмъ чувствамъ, которые были во мнѣ, когда я все это переживалъ,—я на-дняхъ увидалъ сонъ. Сонъ этотъ выразилъ для меня въ сжатомъ образѣ все то, что я пережилъ и описалъ и потому думаю, что и для тѣхъ, которые поняли меня, описаніе это освѣжитъ, уяснитъ и соберетъ въ одно все то, что такъ длинно разсказано на этихъ страницахъ. Вотъ этотъ сонъ: Вижу я, что лежу на постели. И мнѣ ни хорошо ни дурно, я лежу на спинѣ. Но я начинаю думать о томъ, хорошо ли мнѣ лежать; и что-то, мнѣ кажется, неловко ногамъ, коротко ли, не ровно ли, неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаю обдумывать, какъ и на чемъ я лежу, что мнѣ до тѣхъ поръ не приходило въ голову. И наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеныхъ веревочкахъ-помочахъ, прикрѣпленныхъ къ бочинамъ кровати. Ступни мои лежатъ на одной такой помочи, голени—на другой,—ногамъ неловко. Я почему-то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движеніемъ ногъ отталкиваю крайнюю помочу подъ ногами, мнѣ кажется, что такъ будто покойнѣе. Но я оттолкнулъ ее слишкомъ далеко, хочу захватить ее ногами, но съ этимъ движеніемъ выскальзываетъ изъ подъ голеней и другая помоча, и ноги мои свѣшиваются. Я дѣлаю движеніе всѣмъ тѣломъ, чтобы справиться, вполнѣ увѣренный, что я сейчасъ устроюсь; но съ этимъ движеніемъ выскальзываютъ и перемѣщаются подо мной еще и другія помочи и я вижу, что дѣло совсѣмъ портится: весь низъ моего тѣла спускается и виситъ, ноги недостаютъ до земли. Я держусь только верхомъ спины и мнѣ становится не только неловко, но отчего-то жутко. Тутъ только я спрашиваю себя то, что прежде мнѣ и не приходило въ голову. Я спрашиваю себя: гдѣ я и на чемъ я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу внизъ, туда, куда свисло мое тѣло и куда я чувствую, что долженъ упасть сейчасъ. Я гляжу внизъ и не вѣрю своимъ глазамъ. Не то что я на высотѣ, подобной высотѣ высочайшей башни или горы, а я на такой высотѣ, какую я не могъ никогда вообразить себѣ.

Я не могу даже разобрать—вижу ли я что-нибудь тамъ внизу въ той бездонной пропасти, надъ которой я вишу и куда меня тянетъ. Сердце сжимается и я испытываю ужасъ. Смотрѣть туда ужасно. Если я буду смотрѣть туда и чувствую, что я сейчасъ соскользну съ послѣдней помочи и погибну. Я не смотрю. Но не смотрѣть еще хуже: потому что

я думаю о томъ, что будетъ со мной сейчасъ, когда я сорвусь съ послѣдней помочи. И я чувствую, что отъ ужаса я теряю послѣднюю державу и медленно скольжу по спинѣ ниже и ниже. Еще мгновенье и я оторвусь. И тогда приходитъ мнѣ мысль: не можетъ это быть правда. Это сонъ. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же дѣлать, что же дѣлать?—спрашиваю я себя и взглядываю вверхъ. Кверху тоже бездна. Я смотрю въ эту бездну неба и стараюсь забыть о безднѣ внизу и дѣйствительно я забываю. Безконечность внизу отталкиваетъ меня и ужасаетъ, безконечность вверху притягиваетъ и утверждаетъ меня. Я также вишу на послѣднихъ, не выскочившихъ еще изъ-подъ меня помочахъ надъ пропастью, я знаю, что я вишу, но я смотрю только вверхъ и страхъ мой пропадаетъ. Какъ это бываетъ во снѣ, какой-то голосъ говоритъ: зачѣмъ это! это оно! И я гляжу все дальше и дальше въ безконечность вверхъ и чувствую, что я, успокаиваясь, помню все, что было, и вспоминаю, какъ это все случилось: какъ я шевелилъ ногами, какъ я повисъ, какъ я ужаснулся и какъ я спасся отъ ужаса тѣмъ, что сталъ глядѣть вверхъ. И я спрашиваю себя: ну, а теперь, что я все также? И я нестолько оглядываюсь, сколько всѣмъ тѣломъ своимъ испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уже не вишу и не падаю, а держусь крѣпко. Я спрашиваю себя, какъ я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, подъ серединой моего тѣла одна помоча, и что, глядя вверхъ, я лежу на ней, въ самомъ устойчивомъ равновѣсіи, что она одна и держала прежде. И тутъ, какъ это бываетъ во снѣ, мнѣ представляется тотъ механизмъ, посредствомъ котораго я держусь, очень естественнымъ, понятнымъ и несомнѣннымъ, несмотря на то, что на яву этотъ механизмъ не имѣетъ никакого смысла. Я во снѣ даже удивляюсь, какъ я не понималъ этого раньше, оказывается, что въ головахъ у меня стоитъ столбъ и твердость этого столба не подлежитъ никакому сомнѣнію, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чемъ. Потомъ отъ столба проведена петля, какъ то очень хитро и вмѣстѣ просто, и если лежишь на этой петлѣ серединой тѣла и смотришь вверхъ, то даже и вопроса не можетъ быть о паденіи. Все это мнѣ было ясно: и я былъ радъ и спокоенъ. И какъ будто кто-мнѣ говоритъ, смотри же запомни. И я проснулся.

1882 г.

3=00

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

новыя изданія редакціи „Всемірнаго Вѣстника“

НЕИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ СОЧИНЕНІЯ

Гр. Л. Н. Толстого.

Къ политическимъ дѣятелямъ ц. 5 к.

Возстановленіе ада ц. 5 к.

Единственное средство ц. 5 к.

Стыдно ц. 1 к.

Цѣна 20 коп.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), Ф[illegible]